

КНИГА ДЖУНГЛЕЙ 2

Глава первая. Как пришёл Страх

Закон Джунглей – который пока что является самым старым законом в мире – предусматривает почти любые несчастья, которые могут пасть на Народ Джунглей, до сих пор его кодекс настолько совершенен, насколько его могут сделать время и привычки.

Вы помните, что большую часть своей жизни Маугли провёл с Волчьей Стаей Сиони, учился Закону у Балу, Бурого Медведя, который говорил ему, когда мальчик уставал от постоянных приказов, что Закон похож на Большого Древолаза, потому что он падает на спину каждого и никто не может этого избежать.

-Когда проживёшь столько, сколько я, Маленький Брат, ты увидишь, как все Джунгли подчиняются по крайней мере одному Закону. И это не будет приятное зрелище, - сказал Балу.

Этот разговор влетел в одно ухо и вылетел из другого, ведь мальчика, который всю жизнь только ест и спит, не волнует что-либо, пока он не столкнётся с ним лицом к лицу. Но в один год слова Балу сбылись, и Маугли увидел, что все джунгли работают по Закону.

Всё началось, когда зимние дожди почти перестали идти, и дикобраз Икки, встретив Маугли в зарослях бамбука, сказал ему, что дикий ямс засыхает. Не все знают, что Икки до смешного привередлив в выборе еды и ест только самое лучшее и спелое. Поэтому Маугли засмеялся и сказал:

-А мне-то что?

-СЕЙЧАС - почти ничего, - сказал Икки, сухо и неприятно треща иглами, - но потом мы увидим. Ты ещё ныряешь в глубокое каменное озеро под Пчелиными Скалами, Маленький Брат?

-Нет. Глупая вода вся уходит, а я не желаю проломить себе голову, - сказал Маугли, который в те дни был совершенно уверен, что знает не меньше, чем пять любых вместе взятых жителей джунглей.

-Это ты зря. Может, через небольшую трещину вошла бы мудрость. - Икки быстро пригнулся, чтобы не дать Маугли дернуть его за волосы в носу, а Маугли рассказал Балу о том, что сказал Икки. У Балу был очень мрачный вид, и он пробормотал отчасти сам себе:

-Будь я один, я бы сменил территорию своей охоты сейчас, пока другие не начали думать. И всё же - охота среди чужаков заканчивается дракой; и они могут навредить человеческому детёнышу. Мы должны подождать и посмотреть, как будет цвести мохва.

Той весной дерево, которое Балу так обожал, мохва, не зацвело вообще. Зеленоватые, кремового цвета, похожие на воск цветки умерли от жары, не родившись, и когда он встал на задние ноги и потряс дерево, упало лишь несколько дурно

пахших лепестков. Потом, сантиметр за сантиметром, неудержимая жара поползла в сердце джунглей, делая их жёлтыми, коричневыми и, наконец, чёрными. Зелёная поросль по бокам ущелий обгорела до разломанных прутьев и скрученных слоёв мёртвой листвы; спрятанные озёра измельчали и вскипели, след на их краях оставался, как будто впечатанный в железо; сочные лианы упали с деревьев, на которых росли, и умерли под ними; бамбук иссох, ломаясь, когда дули горячие ветры, а глубоко в джунглях с камней сходил мох, пока они не стали пустыми и горячими, как дрожащие синие валуны в русле потока.

В начале года птицы и Народ Обезьян ушли на север, ведь они знали, что грядёт; а олени и дикие свиньи удрали далеко на погибшие поля деревень, иногда умирая перед глазами людей, слишком слабых, чтобы их убить. Коршун Ранн остался и растолстел, ведь мертвечины было полно, и вечер за вечером он приносил новости зверям, слишком слабым, чтобы пробиться к свежим территориям для охоты, и говорил, что солнце убивает джунгли на трёхдневный полёт во все стороны.

Маугли, который никогда не знал, что такое настоящий голод, довольствовался несвежим мёдом трёхлетней давности, добытым из заброшенных скальных ульев – мёдом, чёрным, как терновник, и пыльным от высохшего сахара. Ещё он охотился на глубоко зарывшихся под кору деревьев гусениц и воровал у ос их личинок. Вся добыча в джунглях состояла из кожи и костей, и Багира мог убить троих за одну ночь и совсем не наесться. Но хуже всего было отсутствие воды, ведь, хотя Народ Джунглей пьёт редко, напиться ему нужно как следует.

А жара всё продолжалась и высасывала всю влагу, пока, наконец, единственным потоком не стало главное русло Вайнгунги, между мёртвыми берегами которой текла тонкая струйка воды; и когда Хатхи, дикий слон, который живёт сто лет и больше, увидел, как в самом центре потока показался длинный тонкий синий гребень сухой скалы, он понял, что смотрит на Скалу Мира, и тогда он тут же поднял свой хобот и провозгласил Водное Перемирие, как до него, пятьдесят лет назад, его провозгласил его отец. Его крик хрипло подхватили олень, дикая свинья и буйвол, а коршун Ранн,

летая огромными, широкими кругами, свистел и вопил предупреждение.

По Закону Джунглей убийство у водопоя после объявления Водного Перемирия карается смертью. Причина этого в том, что пьют раньше, чем едят. Когда мало только добычи, каждый в джунглях может как-нибудь перебиться; но вода есть вода, и когда есть лишь один её источник, вся охота прекращается, когда Народ Джунглей вынужден туда ходить. В хорошие сезоны, когда воды было достаточно, те, кто ходил пить на Вайнгунгу – или куда-то ещё, если уж на то пошло – делали это с риском для жизни, и этот риск играл немалую роль в обаянии ночных прогулок. Спускаться так хитро, что даже лист не шевельнется; брести по колено в рокочущем мелководье, которое заглушает весь шум сзади; пить, оглядываясь через плечо, каждым мускулом готовясь к первому отчаянному скачку в диком ужасе; перекатиться на песчаный берег и с мокрой мордой и сильно напившимся вернуться к восхищённому стаду – этим восторгались все молодые олени с высокими рогами как раз потому, что знали, что на них в любой момент может напрыгнуть Багира или Шерхан и растерзать. Но теперь всё это веселье с жизнью и смертью закончилось, и Народ Джунглей, голодный и усталый, пришёл к суженной реке: тигр, медведь, олень, буйвол и свинья – все вместе пили грязную воду и стояли над ней, слишком измотанные, чтобы уйти.

Олени и свиньи целый день бродили в поисках чего-нибудь лучше, чем высохшая кора и увядшие листья. У буйволов не было ни грязных луж, чтобы охладиться, ни зелёной поросли, чтобы пощипать. Змеи покинули джунгли и спустились к реке в надежде найти потерявшуюся лягушку. Они сворачивались вокруг мокрых камней и даже не пытались ударить, когда их сдвигало рыло копавшейся свиньи. Речных черепах уже давно убил Багира, умнейший из охотников, а рыба закопалась глубоко в сухую грязь. Только Скала Мира лежала посреди мелководья, как длинная змея, и мелкая усталая рябь шипела, высыхая на её горячем боку.

Именно сюда Маугли приходил по ночам ради прохлады и компании. Самый голодный из его врагов сейчас едва ли стал бы волноваться насчёт мальчика, который из-за своей голой шкуры казался более тощим и несчастным, чем любой из его

товарищей. Его волосы на солнце стали бледными, как вакса; его рёбра выпирали, как у корзины, а шишки на его коленях и локтях, так как он привык охотиться на четвереньках, делали его иссохшие конечности похожими на узловатые травяные стебли. Но его взгляд из-под грязной чёлки был холодным и спокойным, ведь в это беспокойное время Багира был его советником и велел ему ходить тихо, охотиться медленно и никогда, ни в коем случае не выходить из себя.

-Это злое время, - сказал Чёрная Пантера одним вечером, жарким, как печка, - но оно пройдёт, если мы сможем его пережить. У тебя полный желудок, Человеческий детёныш?

-В моём желудке что-то есть, но лучше от этого не становится. Ты думаешь, Багира, что дожди забыли нас и никогда не вернуться?

-Только не я! Мы ещё увидим цветущую мохву и жирных оленят, наевшихся новой травы. Спускайся на Скалу Совета и слушай новости. Залезай на мою спину, Маленький Брат.

-Сейчас не время таскать на себе кого-то. Я ещё могу стоять сам, но - мы ведь не два разжиревших вола.

Багира посмотрел на свой шероховатый пыльный бок и прошептал:

-Прошлой ночью я убил вола под ярмом. Я был так унижен, что, по-моему, не посмел бы прыгнуть, будь он на свободе. УУУ!

Маугли засмеялся.

-Да, мы теперь великие охотники, - сказал он. - Я очень отважный - ем гусениц, - и они вдвоём спустились по трещащему подлеску к берегу реки и вереницам отмелей, которые шли от неё во все стороны.

-Вода не проживёт долго, - сказал Балу, присоединившись к ним. - Оглядитесь. Вон там - следы, похожие на дороги Человека.

На плоской равнине дальнего берега жёсткая трава джунглей умерла стоя, а после смерти превратилась в бесформенную массу. Бесцветную равнину с пыльными водостоками, шедшими через трёхметровую траву, прорезали истоптанные

тропы оленя и свиньи, ведущие к реке, и в самую рань каждый длинный проход был полон тех, кто первыми пришёл к воде. Было слышно, как в похожей на табак пыли кашляют лани и оленята.

Вверх по течению, на изгибе вялой лужи вокруг Скалы Мира, стоял Страж Водного Перемирия Хатхи, дикий слон, со своими сыновьями, мрачный и серый в свете луны, и раскачивался взад-вперёд – всегда раскачивался. Чуть ниже его был авангард оленей; ещё ниже – свиньи и дикие буйволы; а на противоположном берегу, где к краю воды сходили высокие деревья, было отдельное место для Пожирателей Плоты – тигров, волков, пантер, медведей и других.

-У нас действительно один Закон, - сказал Багира, войдя в воду и посмотрев напротив, на ряды щёлкавших рогов и бегавших глаз, где толкали друг друга туда-сюда олени и свиньи. – Доброй охоты всем, кто моей крови, - добавил он, лёжа во весь рост, высунув из мелководья один бок; а потом сквозь зубы: - Но тут, если бы не Закон, была бы **ОЧЕНЬ** добрая охота.

Быстро раскрывающиеся уши оленей уловили последнее предложение, и по их рядам пробежал напуганный шёпот:

-Перемирие! Помни про Перемирие!

-Мир здесь, мир! – проворчал дикий слон Хатхи. – Перемирие продолжается, Багира. Сейчас не время говорить об охоте.

-Кому это знать, как не мне? – ответил Багира, подняв жёлтые глаза вверх по течению. – Я ем черепах – вылавливаю лягушек. Нгаайя! Что мне, ветки жевать, что ли!

-НАМ бы очень сильно этого хотелось, – проскулил молодой оленёнок, который родился только этой весной и которому это совсем не понравилось. Хотя Народу Джунглей и было плохо, даже Хатхи не удержался и хихикнул; а Маугли, лежавший на локтях в тёплой воде, громко засмеялся и стал колотить ногами по грязи.

-Хорошо сказано, рогатый малыш, – проурчал Багира. – Когда Перемирие закончится, я тебя вспомню, – и он живо посмотрел в темноту, чтобы убедиться, что узнает этого оленёнка снова.

Постепенно на водопое все разговорились. Были слышны возня и фыркание свиньи, просящей больше места; буйволы ворчали друг на друга, покачиваясь на отмелях, а олени рассказывали печальные истории о долгих, стиравших ноги похождениях в поисках еды. То и дело они задавали какой-нибудь вопрос о Пожирателях Плоти на той стороне реки, но все новости были плохими, а между скалами, трещащими ветками, разбросанными сучками и пылью на воде иногда завывал жаркий ветер джунглей.

-Человеческий народ тоже умирает рядом со своими плугами, – сказал молодой замбар. – От заката до ночи я встретил троих. Они лежат неподвижно, и с ними их волю. Скоро и мы ляжем неподвижно.

-Река обмелела с прошлой ночи, – сказал Балугу. – О Хатхи, ты когда-нибудь видел подобную засуху?

-Она пройдёт, она пройдёт, – сказал Хатхи, брызгавший водой себе на спину и бока.

-У нас здесь есть один, который не может продержаться долго, – сказал Балугу и посмотрел в сторону мальчика, которого он любил.

-Я? – возмущённо сказал Маугли, садясь в воде. – Мои кости не покрывает длинный мех, но – но если бы с ТЕБЯ сняли шкуру, Балу...

От этой мысли Хатхи передёрнуло, и Балу сурово сказал:

-Человеческий детёныш, с Учителем Закона так не разговаривают. Меня никогда ещё не видели без шкуры.

-Не, я не хотел тебя обидеть, Балу; просто ты, как бы сказать, похож на кокос в скорлупе, а я – тот же кокос, только голый. Так вот, эта твоя бурая скорлупа... - Маугли сидел, скрестив ноги и, как обычно, объяснял всё указательным пальцем, когда Багира протянул упругую лапу и затащил его обратно в воду.

-Всё хуже и хуже, - сказал Чёрная Пантера мальчику, который, отплываваясь, встал. – Сначала с Балу надо снять шкуру, а теперь он кокос. Смотри, как бы он не сделал то, что делают зрелые кокосы.

-А что они делают? – сказал Маугли, на минуту забывшись, хотя это одна из самых старых шуток в джунглях.

-Проламывают тебе голову, - тихо сказал Багира, снова затаскивая его вниз.

-Нехорошо насмехаться над своим учителем, - сказал медведь, когда Маугли в третий раз опустили.

-Нехорошо! А чего ты хочешь? Эта голая тварь, бегающая взад-вперёд, по-обезьяньи насмехается над теми, кто когда-то был хорошими охотниками, и ради развлечения дёргает лучших из нас за усы. – Это был Шерхан, Хромой Тигр, ковылявший вниз к воде. Он чуть подождал, чтобы насладиться волнением, которое он произвёл среди оленей напротив, и стал лакать, рыча: - Джунгли теперь стали игровой площадкой для голых детёнышей. Смотри на меня, человеческий детёныш!

Маугли посмотрел – вернее, уставился – как можно наглее, и через минуту Шерхан нехотя отвернулся.

-Тут человеческий детёныш, там человеческий детёныш, - ворчал он, продолжая пить, - он не человек и не детёныш,

иначе бы он был напуган. В следующем сезоне мне придётся умолять его разрешить мне попить. Аагрр!

-Такое тоже возможно, - сказал Багира, спокойно глядя ему в глаза. - Такое тоже возможно - фу, Шерхан! - что за новый позор ты сюда принёс?

Хромой Тигр окунул в воду свой подбородок и челюсть, и с неё вниз текли тёмные маслянистые струйки.

-Человек! - холодно сказал Шерхан, - я убил его час назад. - Он стал урчать и ворчать себе под нос.

Ряд зверей дрогнул и качнулся взад-вперёд, и пошёл шёпот, который перерос в крик:

-Человек! Человек! Он убил Человека! - Потом все посмотрели в сторону Хатхи, дикого слона, но казалось, что он не слышал. Хатхи никогда не делает что-то, пока не придёт время, и это одна из причин, по которым он так долго живёт.

-В такой сезон, как этот, убивать Человека! Там что, другой добычи не было? - язвительно сказал Багира, высываясь из грязной воды и по-кошачьи встряхивая каждую лапу.

-Я убил ради мести - а не ради пищи. - Снова начался перепуганный шёпот, и маленький внимательный белый глаз Хатхи покосился в сторону Шерхана. - Ради мести, - протянул Шерхан. - Теперь я пришёл попить и помыться. Кто-то запрещает?

Спина Багиры начала выгибаться, как бамбук от сильного ветра, но Хатхи поднял хобот и тихо заговорил.

-Твоё убийство было ради мести? - спросил он; а когда Хатхи задаёт вопрос, лучше ответить.

-Ну и что. Это было моё право и моя Ночь. Ты знаешь, о Хатхи. - Шерхан говорил чуть ли не почтительно.

-Да, я знаю, - ответил Хатхи; и после небольшой паузы: - Ты напился?

-На сегодня да.

-Тогда иди. Река нужна для питья, а не для осквернения. Никто, кроме Хромого Тигра, не стал бы хвастать своим

правом в этот сезон, когда – когда мы страдаем вместе – и Человек, и Народ Джунглей. Чистый или грязный, убирайся в своё логово, Шерхан!

Последние слова прогремели, как серебряные трубы, и три сына Хатхи сделали полшага вперёд, хотя в этом не было нужды. Шерхан крадучись ушёл, не смея рычать, ведь он знал – то же, что знают все остальные – что Хатхи, в конце концов, Хозяин Джунглей.

-Что это за право, о котором говорит Шерхан? – прошептал Маугли на ухо Багире. – Убивать Человека – это всегда позор. Так гласит Закон. И всё же Хатхи говорит...

-Спроси его. Я не знаю, Маленький Брат. Если бы Хатхи не сказал своё слово, я бы проучил этого хромого мясника, прав он или нет. Приходить к Скале Мира, только что убив Человека – и хвастать этим – это шакалья выходка. Кроме того, он испортил хорошую воду.

Маугли минуту подождал, набираясь храбрости, потому что никто не стал обращаться напрямую к Хатхи, а потом он крикнул:

-В чём право Шерхана, о Хатхи? – Его слова повторили на обоих берегах, ведь весь Народ Джунглей страшно любопытен, и он только что увидел то, что, кажется, не понимал никто, кроме Балу, у которого был очень задумчивый вид.

-Это старая история, - сказал Хатхи, - история старше, чем джунгли. Молчите на берегах, и я расскажу эту историю.

Свиньи и буйволы пару минут потолкались плечами, а потом вожаки стад один за другим проворчали: «Мы ждём», и Хатхи зашагал вперёд, пока не погрузился по колено в воду у Скалы Мира. Хотя он был худой, морщинистый и с жёлтыми бивнями, он выглядел именно таким, каким его знали джунгли – их хозяином.

-Вы знаете, дети, - начал он, - что из всех тварей вы больше всего боитесь Человека, - и раздалось согласное бормотание.

-Эта история касается тебя, Маленький Брат, - сказал Багира Маугли.

-Меня? Я из Стаи – охотник из Свободного Народа, - ответил Маугли. – Как я связан с Человеком?

-А не знаете ли вы, почему боитесь Человека? – продолжал Хатхи. – Причина вот в чём. В самом начале джунглей, а никто не знает, когда это было, мы в джунглях ходили вместе, не боясь друг друга. В те дни засухи не было, а листья, цветы и фрукты росли на одном и том же дереве, и мы не ели ничего, кроме листьев, цветов, травы, фруктов и коры.

-Хорошо, что я родился не в те дни, - сказал Багира. – Кора годится лишь на то, чтобы точить когти.

-А Лордом Джунглей был Тха, Первый Слон. Он своим хоботом вытащил джунгли из глубоких вод; а где он своими бивнями сделал в земле борозды, там потекли реки; а где он бил ногой, там появлялись озёра с чистой водой; а где он дул своим хоботом, - вот так, - падали деревья. Таков был способ, которым Тха сотворил джунгли; и такой мне рассказали эту историю.

-И эта история ничуть не уменьшилась, - прошептал Багира, и Маугли посмеялся, прикрывшись ладонью.

-В те дни не было ни кукурузы, ни дынь, ни перца, ни сахарного тростника, ни маленьких хижин вроде тех, которые вы все видели; и Народ Джунглей не знал о Человеке ничего, а жил вместе в джунглях, являясь единым народом. Но через некоторое время они начали спорить из-за еды, хотя пастбищ хватало всем. Они были ленивы. Каждый желал есть там же, где лежит, как мы иногда можем делать сейчас, когда весной хорошие дожди. Тха, Первый Слон, был занят созданием новых джунглей и прокладыванием рек в русла. Он не мог ходить повсюду; поэтому он сделал Первого Тигра хозяином и судьёй джунглей, к которому Народ Джунглей должен приходиться со своими спорами. В те дни Первый Тигр ел фрукты и траву, как и остальные. Он был размером с меня и очень красив, по окрасу весь походил на цветущую жёлтую лиану. В те добрые дни, когда джунгли были новыми, на его шкуре не было ни одной полосы. Весь Народ Джунглей без страха к нему ходил, и его слово было Законом Джунглей. Тогда мы были, напоминая, одним народом.

И вот однажды ночью между двумя оленями возник спор – спор из-за пастбища вроде тех, что вы сейчас разрешаете рогами и копытами – и говорят, что, когда эти двое хором заговорили с Первым из Первых Тигров, лежавшим среди цветов, один олень толкнул его рогами, и Первый Тигр забыл, что он хозяин и судья джунглей, и, прыгнув на этого оленя, сломал ему шею.

До той ночи ни один из нас ещё не умирал, и Первый Тигр, увидев, что он сделал, и одурев от запаха крови, убежал в болота севера, а мы в джунглях, оставшись без судьи, стали драться друг с другом; и этот шум услышал Тха и вернулся. Потом одни из нас сказали одно, а другие – другое, но он увидел среди цветов мёртвого оленя и спросил, кто убил, и мы в джунглях не стали говорить, потому что одурели от запаха крови. Мы кругами бегали взад-вперёд, прыгая, крича и мотая головами. Тогда Тха отдал низко свисавшим деревьям и ползущим лианам джунглей приказ пометить убийцу оленя, чтобы в следующий раз он узнал его, и сказал:

-Кто теперь будет хозяином Народа Джунглей?

Тогда вскочил Серая Обезьяна, что живёт на ветках, и сказал:

-Я теперь буду хозяином джунглей.

Тут Тха посмеялся и сказал:

-Да будет так, - и ушёл, очень сердитый.

Дети, вы знаете Серую Обезьяну. Тогда он был таким же, как и сейчас. Сначала он сделал себе умное выражение лица, но вскоре начал чесаться и скакать вверх-вниз, и когда Тха вернулся, он обнаружил, что Серая Обезьяна висит головой вниз на суке, дразня тех, кто стоит внизу, а они дразнят его в ответ. И поэтому Закона Джунглей не было – только глупая болтовня и бессмысленные слова.

Тогда Тха созвал нас всех вместе и сказал:

-Первый ваш хозяин принёс в джунгли Смерть, а второй – Позор. Теперь пришло время Закона, и такого Закона, который вы не должны нарушать. Теперь вы познаете Страх, и когда вы его найдёте, то поймёте, что он – ваш хозяин, а потом поймут и остальные.

Тогда мы в джунглях сказали:

-А что такое Страх?

А Тха сказал:

-Ищите, пока не найдёте.

Так что мы ходили взад-вперёд по джунглям в поисках Страха, и через некоторое время буйволы...

-Ух! – сказал Майса, вожак буйволов, с их песчаного берега.

-Да, Майса, это были буйволы. Они вернулись с новостями о том, что в пещере в джунглях сидит Страх, и что у него нет волос и он ходит на задних ногах. Тогда мы в джунглях пошли за стадом и дошли до той пещеры, и у входа в неё стоял Страх, и он был, как и сказали буйволы, безволосым и ходил на задних ногах. Увидев нас, он закричал, и его голос наполнил нас тем страхом, который у нас появляется сейчас, когда мы слышим тот голос, и мы убежали, растаптывая и раздирая друг друга, потому что испугались. В ту ночь, как мне рассказывали, мы в джунглях легли спать не вместе, как привыкли, а каждое племя ушло к себе – свинья со свиньёй, олень с оленем; рог к рогу, копыто к копыту, - подобные держались с подобными и лежали в джунглях, дрожа.

С нами не было только Первого Тигра, ведь он всё ещё прятался в болотах севера, и когда до него дошли слова о Твари, которую мы увидели в пещере, он сказал:

-Я пойду к этой Твари и сломаю ей шею. – Так что он бежал всю ночь, пока не добежал до пещеры; но деревья и лианы на его пути, помня приказ, который отдал Тха, спустили свои ветки и на бегу пометили его, проводя сучками по его спине, бокам, лбу и челюстям. Там, где они его касались, на его жёлтой шкуре оставалась отметина в виде полосы. И ДО СИХ ПОР ЕГО ДЕТИ НОСЯТ ЭТИ ПОЛОСЫ! Когда он пришёл к пещере, Страх, Безволосый, протянул руку и назвал его «Полосатый, что приходит ночью», и Первый Тигр испугался Безволосого и, завывая, побежал обратно к болотам.

Тут Маугли тихо хихикнул, не поднимая подбородка из воды.

-Он выл так громко, что его слышал Тха и сказал:

-Почему грустишь?

И Первый Тигр, подняв морду к новенькому небу, которое теперь такое старое, сказал:

-Верни мне мою власть, о Тха. Меня опозорили перед всеми джунглями, и я убежал от Безволосого, и он назвал меня позорным именем.

-А почему? – сказал Тха.

-Потому что я провонял грязью болот, - сказал Первый Тигр.

-Тогда плавай и катайся по мокрой траве, и если это грязь, она будет смыта, - сказал Тха; и Первый Тигр плавал и катался по траве до тех пор, пока джунгли не закружились у него перед глазами, но ни одна полоска на всей его шкуре не изменилась, и Тха, наблюдая за ним, смеялся. Потом Первый Тигр сказал:

-Чем я это заслужил?

Тха сказал:

-Ты убил оленя и пустил в джунгли Смерть, а со Смертью пришёл Страх, так что народы джунглей испугались друг друга, как ты испугался Безволосого.

Первый Тигр сказал:

-Они никогда не будут бояться меня, ведь я знал их с самого начала.

Тха сказал:

-Иди и посмотри.

И Первый Тигр бегал взад-вперёд, громко подзывая оленя, и свинью, и замбара, и дикобраза, и все Народы Джунглей, и они все убежали от того, кто был их судьёй, потому что испугались.

Тогда Первый Тигр вернулся, и его гордость была сломлена, и он, колотясь головой об землю, скрёб эту землю всеми своими лапами и говорил:

-Помни, что однажды я был Хозяином Джунглей. Не забудь меня, о Тха! Пусть мои дети помнят, что однажды я не знал ни позора, ни страха!

И Тха сказал:

-Это я запомню, потому что ты и я вместе увидели создание джунглей. В одну ночь каждого года будет так, как было до убийства оленя – для тебя и твоих детей. В эту одну ночь, если вы встретите Безволосого – а его зовут Человек – не вы испугаетесь его, а он испугается вас, как будто вы судьи джунглей и хозяева всего. Пощадите его в ночь его страха, ведь ты узнал, что такое Страх.

Тогда Первый Тигр ответил:

-Я согласен, - но когда он в следующий раз пил, то увидел чёрные полосы на своих боках, вспомнил имя, которое ему дал Безволосый, и рассердился. Он прожил год в болотах, ожидая, когда Тха исполнит своё обещание. И в ночь, когда подлая Луна [Вечерняя Звезда] покинула джунгли, он почувствовал, что пришла его Ночь, и он пошёл к той пещере встретиться с Безволосым. Тогда случилось то, что обещал Тха, ведь Безволосый упал перед ним и лежал на земле, а Первый Тигр ударил его и сломал ему спину, ведь он думал, что в джунглях только одна такая Тварь и что он убил Страх. Потом, обнюхивая убитого, он услышал, как из лесов севера идёт Тха, а через некоторое время – голос Первого Слона, тот голос, что мы слышим сейчас...

На сухих, рубцеватых холмах гремел гром, но дождя он не принёс – только жару – молнию, сверкавшую вдоль хребтов – и Хатхи продолжал:

-ВОТ какой голос он слышал, и он сказал:

-Это и есть твоя пощада?

Первый Тигр облизнул губы и сказал:

-Какая разница? Я убил Страх.

А Тха сказал:

-О слепой глупец! Ты развязал ноги Смерти, и она будет идти по твоему следу, пока ты не умрёшь. Ты научил Человека убивать!

Первый Тигр, чопорно стоя рядом с убитым, сказал:

-Он такой же, как олень. Страх нет. Теперь я вновь буду судить Народы Джунглей.

А Тха сказал:

-Никогда больше Народы Джунглей не придут к тебе. Они никогда не будут ни брать твой след, ни спать возле тебя, ни следовать за тобой, ни прогуливаться у твоего логова. За тобой последует только Страх, и ударом, который ты не увидишь, он заставит тебя ждать его милости. Он заставит землю разверзнуться под тобой, а лиану – обвиться вокруг твоей шеи, а стволы деревьев – вместе расти вокруг тебя, выше, чем ты можешь прыгнуть, и, наконец, он заберёт твою шкуру, чтобы завернуть в неё своих детёнышей, когда им будет холодно. Ты не пощадил его, не пощадит и он тебя.

Первый Тигр был очень самоуверенным, ведь его Ночь ещё не кончилась, и он сказал:

-Обещание Тха есть обещание Тха. Он не отберёт мою Ночь?

И Тха сказал:

-Эта одна Ночь – твоя, как я и сказал, но ты заплатишь за неё. Ты научил Человека убивать, а он учится быстро.

Первый Тигр сказал:

-Он здесь, под моей ногой, а его спина сломана. Пусть джунгли знают, что я убил Страх.

Тогда Тха засмеялся и сказал:

-Ты убил одного из многих, но джунглям расскажешь ты сам – ведь твоя Ночь кончилась.

Итак, пришёл день; и из пещеры вышел ещё один Безволосый и увидел на своём пути убитого, а над ним – Первого Тигра, и он взял заострённую палку....

-Они и сейчас бросают штуку, которая режет, - сказал Икки, шуршавший на берегу; ведь Икки считается необычайно хорошей едой у гондов – они называют его Хо-Игу – и он кое-что знал о коварном гондском топорике, который летает по поляне, как стрекоза.

-Это была заострённая палка вроде тех, что они ставят на дно ям-ловушек, - сказал Хатхи, - и, бросив её, он попал Первому Тигру глубоко в бок. Вот так сбылись слова Тха, ведь Первый Тигр бегал, завывая, взад-вперёд по джунглям, пока не вырвал из себя палку, и все джунгли узнали, что Безволосый может бить издалека, и испугались ещё больше. Так и

случилось, что Первый Тигр научил Безволосого убивать – и вы знаете, какой вред с тех пор это причиняет всем нашим народам – петлёй, и ямой, и скрытой ловушкой, и летящей палкой, и жалящей мухой, вылетающей из белого дыма [Хатхи имел в виду пулю], и Красным Цветком, выгоняющим нас из убежищ. И всё же в одну ночь в году Безволосый боится тигра, как и обещал Тха, и никогда ещё тигр не давал ему повода бояться меньше. Где он находит его, там и убивает, помня о том, как был опозорен Первый Тигр. Для остальных Страх днём и ночью ходит взад-вперёд по джунглям.

-Ау! Ау! – сказали олени, думая о том, что всё это значит для них.

-И только когда для всех наступает один великий Страх, как сейчас, мы в джунглях можем отложить наши мелкие страхи и встретиться все в одном месте, как сейчас.

-Человек боится тигра только одну ночь? – сказал Маугли.

-Только одну ночь, - сказал Хатхи.

-Но я – но мы – но все джунгли знают, что Шерхан убивает Человека два-три раза за луну.

-И всё же. ТОГДА он набрасывается сзади и во время удара отворачивается, ведь он полон страха. Если бы Человек посмотрел на него, он бы убежал. Но в свою одну Ночь он открыто приходит в деревню. Он ходит среди домов и суёт голову в двери, и люди падают лицом вниз, и там он совершает своё убийство. Одно убийство в ту Ночь.

-Ох! – сказал Маугли сам себе, катаясь в воде. – ТЕПЕРЬ понимаю, почему Шерхан предлагал мне посмотреть на него! Он с этого ничего не получил, потому что не мог смотреть спокойно, а – а я определённо не упал к его ногам. Но тогда я не человек, а член Свободного Народа.

-Эмм! – произнёс Багира своим мохнатым горлом. – А знает ли тигр свою Ночь?

-Нет, пока Подлая Луна не покинет вечерний туман. Иногда это бывает в сухое лето, а иногда в сырые дожди – эта одна Ночь Тигра. Но если бы не Первый Тигр, этого бы никогда не было, никто из нас не знал бы страха.

Олени печально захрипели, а губы Багиры скривились в злобной улыбке.

-А люди знают эту – историю? – сказал он.

-Никто её не знает, кроме тигров и нас, слонов – детей Тха. Теперь её слышали вы у водополя, и я всё сказал.

Хатхи погрузил свой хобот в воду в знак того, что он не желает говорить.

-Но – но – но, - сказал Маугли, поворачиваясь к Балу, - почему Первый Тигр не продолжил есть траву, листья и деревья? Он всего лишь сломал оленю шею. Он его не СЪЕЛ. Что приучило его к свежему мясу?

-Деревья и лианы поместили его, Маленький Брат, и сделали его полосатой тварью, которую мы видим. Он навсегда зарёкся есть их плоды; но с того дня он мстил за себя оленям и другим Пожирателям Травы, - сказал Балу.

-Значит, ТЫ знаешь эту историю. А? Почему я никогда её не слышал?

-Потому что в джунглях полно таких историй. Если бы я начал, то им не было бы конца. Отпусти моё ухо, Маленький Брат.

Глава вторая. Впускающий джунгли

Вы помните, что после того, как Маугли пришил шкуру Шерхана к Скале Совета, он сказал всем, кто остался от Стаи Сиони, что отныне будет охотиться в джунглях один; а четверо детей Матери-Волчицы и Отца-Волка сказали, что будут охотиться с ним. Но изменить свою жизнь за минуту нелегко – особенно в джунглях. Первое, что сделал Маугли, когда распавшаяся Стая захромала прочь – пошёл в родную пещеру и проспал весь день и всю ночь. Потом он рассказал Матери-Волчице и Отцу-Волку всё о своих приключениях среди людей, что они могли понять; и когда он заставил солнце сверкать на лезвии своего ножа для снятия шкур, - того, которым он ошкурил Шерхана, - они сказали, что он кое-чему научился. Акеле и Серому Брату пришлось объяснить своё участие в большом забеге буйволов в ущелье, и Балу с трудом поднялся на холм, чтобы всё об этом

услышать, а Багира весь чесался в полном восторге от того, каким способом Маугли вёл свою войну.

Солнце давно уже встало, но никто и не думал идти спать, и время от времени во время разговора Мать-Волчица вскидывала голову и делала глубокий удовлетворённый вдох, когда ветер доносил до неё запах тигриной шкуры на Скале Совета.

-Но для Акелы и Серого Брата, - сказал Маугли в конце, - я ничего не мог сделать. Ох, мама, мама! Если бы ты видела, как чёрные быки стада понеслись в ущелье или помчались в ворота, когда Человеческая Стая швыряла в меня камни!

-Я рада, что не видела последнее, - сухо сказала Мать-Волчица. - Не в МОИХ привычках смотреть, как моих детей гоняют туда-сюда, словно шакалов. Я заставила бы Человеческую Стаю заплатить; но я бы пощадила женщину, которая дала тебе молоко. Да, я бы пощадила только её.

-Тихо, тихо, Ракша! - лениво сказал Отец-Волк. - Наш Лягушонок вернулся - таким мудрым, что его собственный отец должен лизать ему ноги; и какая разница, одним порезом на голове больше или меньше? Оставь людей в покое.

Балу и Багира хором повторили:

-Оставь людей в покое.

Маугли, положив голову на бок Матери-Волчицы, довольно улыбнулся и сказал, что лично он больше никогда не хочет ни видеть, ни слышать, ни чують Человека.

-Но что, - сказал Акела, загнув одно ухо, - ...но что, если люди не оставят тебя в покое, Маленький Брат?

-Нас же ПЯТЕРО, - сказал Серый Брат, оглядев компанию и на последнем слове щёлкнув челюстями.

-Может, и мы пойдём на эту охоту, - сказал Багира, слегка вильнув хвостом и взглянув на Балу. - Но зачем думать о людях сейчас, Акела?

-А вот зачем, - ответил Волк-Одиночка: - Когда на скалу была повешена шкура того жёлтого вожака, я вернулся по нашему следу к деревне, ступал по своим следам, поворачивался

боком и ложился, чтобы запутать след на случай, если за нами кто-то пойдёт. Но когда я запутал след так, что и сам едва мог найти его снова, из-за деревьев вылетел Мэнг, летучая мышь, и завис надо мной. Мэнг сказал: «Деревня Человеческой Стаи, откуда прогнали Человеческого детёныша, гудит, как гнездо шершней».

-Большой же камень я бросил, - хихикнул Маугли, который часто развлекался тем, что бросал спелую папайю в гнёзда шершней и удираал к ближайшему водоёму, пока шершни его не догнали.

-Я спросил Мэнга, что он видел. Он сказал, что у ворот деревни расцветает Красный Цветок, а вокруг него сидят люди с ружьями в руках. А уж я знаю на своём опыте, - Акела посмотрел на старые сухие шрамы на своём боку, - что люди носят ружья не для удовольствия. В настоящее время, Маленький Брат, наш след ищет человек с ружьём - если он уже не взял его.

-Но зачем ему? Люди прогнали меня. Что ещё им нужно? - сердито сказал Маугли.

-Ты человек, Маленький Брат, - ответил Акела. - Не НАМ, свободным охотникам, говорить тебе, что и зачем делают твои собратья.

Он еле успел отдернуть лапу, и нож для снятия шкур вонзился глубоко в землю. Глаз среднего человека не смог бы проследить, как быстро ударил Маугли, но Акела был волком; а ведь даже собака, которая очень далеко ушла от дикого волка, своего предка, может очнуться от глубокого сна, если её бока коснётся колесо телеги, и отпрыгнуть, пока это колесо не проехало по ней.

-В следующий раз, - тихо сказал Маугли, возвращая нож в ножны, - говори о Человеческой Стае и Маугли в двух предложениях - а не в одном.

-Пфф! Это острый зуб, - сказал Акела, нюхая след ножа на земле, - но жизнь с Человеческой Стаей испортила твои глаза, Маленький Брат. Я мог бы убить оленя, пока ты бьёшь.

Багира вскочил на ноги, поднял голову как можно выше, принюхался и напряг все линии своего тела. Его примеру

быстро последовал Серый Брат, держась чуть слева от него, чтобы уловить ветер, дувший справа, а Акела прошёл сорок пять метров навстречу ветру и, наполовину согнувшись, тоже напрягся. Маугли с завистью смотрел на них. Он мог учуять то, что чуют очень немногие люди, но его нос так и не достиг той чувствительности, от которой в джунглях встаёт дыбом шерсть; а три месяца в задымлённой деревне, к сожалению, ещё ухудшили его. Однако он облизнул палец, потёр им нос и встал, чтобы уловить верхний запах, самый слабый, зато самый точный.

-Человек! – прорычал Акела, опускаясь на корточки.

-Булдео! – сказал Маугли, садясь. – Он идёт по нашему следу, а вон там – солнечный свет на его ружье. Смотрите!

Это была всего лишь вспышка солнечного света на долю секунды на латунном крепеже старого мушкета «Тауэр», но в джунглях так не мигает ничто, кроме тех случаев, когда по небу несутся облака. Тогда кусок слюды, или маленькое озеро, или даже очень чистый лист сверкают, как гелиограф. Но тот день был безоблачным и тихим.

-Я знал, что люди пойдут за нами, - торжествующе сказал Акела. – Не зря я водил Стаю.

Четыре волчонка ничего не сказали, а быстро поползли на животах вниз по холму, растворяясь в колючках и подлеске, как крот в газоне.

-Куда это вы пошли, не сказав ни слова? – крикнул Маугли.

-Тсс! До полудня мы прикатим сюда его череп! – ответил Серый Брат.

-Назад! Назад, подождите! Человек не ест Человека! – завопил Маугли.

-А кто только что был волком? Кто ударил по мне ножом за то, что я считал его Человеком? – сказал Акела, а четыре волка угрюмо повернули обратно и легли.

-Я что, должен оправдываться за всё, что делаю? – яростно сказал Маугли.

-Вот это Человек! Вот это говорит Человек! – буркнул себе в усы Багира. – Так же разговаривали люди у королевских

клеток в Удипоре. Мы в джунглях знаем, что Человек мудрее всех. А если бы мы доверяли своим ушам, то знали бы, что он самая глупая из всех тварей. – Повысив голос, он добавил: - В одном Человеческий детёныш прав. Люди охотятся стаями. Убивать одного, не зная, что сделают другие – плохая охота. Пошли, давайте посмотрим, чего от нас хочет Человек.

-Мы не пойдём, - прорычал Серый Брат. – Охоться один, Маленький Брат. Мы своё дело знаем. Череп уже можно было бы приносить.

Маугли переводил взгляд с одного друга на другого, его грудь вздымалась, а глаза были полны слёз. Он подошёл к волкам и, опустившись на одно колено, сказал:

-А я не знаю своё дело? Посмотрите на меня!

Они неохотно посмотрели, и когда они отводили взгляд, он снова и снова звал их обратно, пока у них на всём теле не встала дыбом шерсть и у них не задрожала каждая конечность, а Маугли всё смотрел и смотрел.

-Итак, - сказал он, - кто из нас пятерых – вожак?

-Ты вожак, Маленький Брат, - сказал Серый Брат и лизнул ступню Маугли.

-Тогда за мной, - сказал Маугли, и все четверо, поджав хвосты, последовали за ним.

-Вот результат жизни с Человеческой Стаей, - сказал Багира, скользя за ними. – В джунглях теперь есть не только Закон Джунглей, Балу.

Старый медведь ничего не сказал, но много чего подумал.

Маугли бесшумно пробирался сквозь джунгли под нужными углами к тропе Булдео, пока, раздвинув кустарник, не увидел этого старика с мушкетом на плече, бегущего рысцой по ночному следу.

Вы помните, как Маугли ушёл из деревни с тяжёлым грузом сырой шкуры Шерхана на плечах, а Акела и Серый Брат шагали за ним, так что их тройной след был обозначен очень чётко. Сейчас Булдео пришёл туда, куда, как вы знаете, вернулся Акела и запутал все следы. Потом он сел и стал кашлять, хрипеть и поглядывать в джунглях в разные

стороны, чтобы снова взять его, и всё это время он мог бы бросить камень в тех, кто за ним наблюдал. Никто не может быть таким тихим, как волк, который не хочет, чтобы его слышали; и Маугли, хотя волки думали, что он двигается очень неуклюже, умел приходить и уходить, словно тень. Они окружили старика, как косяк морских свиной окружает пароход на полной скорости, и, окружив его, они бесечно переговаривались, ведь их речь была ниже самого низкого звука, который могут слышать нетренированные люди. [Другой конец ограничен высоким писком летучей мыши Мэнга, который очень многие люди вообще не слышат. Выше той ноты разговаривают все птицы, летучие мыши и насекомые.]

-Это лучше любого убийства, - сказал Серый Брат, когда Булдео остановился и стал оглядываться и пытеть. - Он похож на свинью, заблудившуюся в джунглях у реки. Что он говорит? - Булдео яростно бормотал.

Маугли перевёл:

-Он говорит, что, должно быть, вокруг меня плясали стаи волков. Он говорит, что никогда в жизни не видел такой след. Он говорит, что устал.

-Он будет отправлен на покой раньше, чем снова возьмёт его, - холодно сказал Багира, обогнув ствол дерева так, как будто они играли в жмурки. - Что эта тощая тварь будет делать ТЕПЕРЬ?

-Есть или пускать дым изо рта. Люди всегда играют со своими ртами, - сказал Маугли; и бесшумные следопыты увидели, как старик набил кальян, зажёл его и затянулся, и они как следует запомнили запах табака, чтобы при необходимости узнать Булдео даже в самую тёмную ночь.

Потом по тропинке пришла небольшая группа разжигателей древесного угля и, естественно, остановилась поговорить с Булдео, чья слава охотника разнеслась по крайней мере на тридцать километров вокруг. Они все сели и закурили, а Багира и остальные подошли и стали наблюдать, пока Булдео начал рассказывать историю о Маугли, Дьявольском ребёнке, от начала до конца добавляя и выдумывая. Как он на самом деле сам убил Шерхана; и как Маугли превратился в волка, и

дрался с ним ведь день, и превратился обратно в мальчика, и заколдовал винтовку Булдео так, что пуля прошла под углом, когда он прицелился в Маугли, и убила одного из собственных буйволов Булдео; и как деревня, зная, что он самый храбрый охотник в Сиони, отправила его убить этого Дьявольского ребёнка. Но в то же время в деревне схватили Мессуа и её мужа, которые были, без сомнения, отцом и матерью этого Дьявольского ребёнка, и забаррикадировали их в их собственной хижине, и сейчас их будут пытаться, чтобы заставить их признаться, что они – ведьма и колдун, а потом их сожгут.

-Когда? – сказали разжигатели древесного угля, потому что очень сильно хотели бы присутствовать на церемонии.

Булдео сказал, что, пока он вернётся, ничего делать не станут, потому что в деревне желают, чтобы сначала он убил Мальчика из Джунглей. После этого они избавятся от Мессуа и её мужа и разделят их земли и буйволов между всей деревней. К тому же, у мужа Мессуа было несколько замечательных буйволов. Уничтожать колдунов – отличная вещь, подумал Булдео; а люди, которые берут к себе Волчьих детей из джунглей, явно худшие из ведьм.

-Что он говорит? Что он говорит? Что он говорит? – повторяли волки каждые несколько минут; и Маугли переводил, пока не дошёл до той части истории, что про ведьму, которую он немного не понимал, и тогда он сказал, что мужчина и женщина, которые были так добры к нему, в ловушке.

-Разве Человек ставит ловушки на Человека? – сказал Багира.

-Так он говорит. Я не понимаю этот разговор. Они все вместе сошли с ума. Что такого со мной сделали Мессуа и её мужчина, за что их надо сажать в ловушку; и к чему весь этот разговор о Красном Цветке? Я должен на это посмотреть. Что бы они ни собирались сделать с Мессуа, они не сделают этого, пока не вернётся Булдео. И поэтому.... – Маугли напряжённо думал, водя пальцами по рукоятке ножа для снятия шкур, пока Булдео и разжигатели древесного угля с очень храбрым видом ушли единой компанией.

-Я побегу со всех ног обратно к Человеческой Стае, - сказал наконец Маугли.

-А эти? – сказал Серый Брат, жадно глядя на коричневые спины разжигателей древесного угля.

-Спойте им, - сказал Маугли, широко улыбнувшись, - я не желаю, чтобы они были в деревне, пока не стемнеет. Вы можете их задержать?

Серый Брат презрительно обнажил белые зубы.

-Мы можем водить их кругами, как привязанных козлов – если я знаю Человека.

-Это мне не нужно. Спойте им чуть-чуть, а то им на дороге будет одиноко, и ещё, Серый Брат, песня может быть не из самых приятных. Иди с ними, Багира, и помоги им спеть. Когда наступит ночь, встретьте меня у деревни – Серый Брат знает это место.

-Работать на Человеческого детёныша – нелёгкая охота. Когда мне спать? – сказал Багира, зевнув, хотя по его глазам было видно, что он в восторге и изумлении. – Мне – петь голым людям! Но давайте попробуем.

Он опустил голову, чтобы звук разнёсся, и издал долгий-долгий крик: «Доброй охоты», - полуночный зов в середине дня, который уже был достаточно ужасен. Маугли услышал, как он прогремел, поднялся, затих и растворился в жутковатом вое у него за спиной, и засмеялся себе под нос, пробегая по джунглям. Он увидел, как прижались друг к другу разжигатели древесного угля; ствол ружья старого Булдео завилял, как банановый лист, сразу во все стороны света. Серый Брат издал клич, с которым Стая загоняет антилопу нильгау, большую синюю корову, и казалось, что он идёт с самых краёв земли, всё ближе, ближе и ближе, пока он не закончился резко оборвавшимся коротким визгом. Три других волка отвечали до тех пор, пока даже Маугли не смог бы поклясться, что вся Стая воет во весь голос, а потом они все запели великолепную Утреннюю Песню Джунглей, исполнение, звуки и дополнительные ноты которой знает любой горластый волк из Стаи. Вот грубый перевод этой песни, но вы должны представить, как она звучит, когда раздаётся в послеобеденном шорохе джунглей:

*Всего мгновение назад
Мы не бросали тень;*

Теперь она домой пошла
За нами в новый день.
С утра и скалы, и кусты,
И всякий, кто силён,
Кричат: «Пусть всякий отдохнёт,
Кто соблюдал Закон!»
Ни шкура не видна, ни рог –
На дно залёг народ;
Теперь в пещеры и холмы
Правитель наш идёт.
Теперь же у людей быки
Под плугом спину гнут;
Рассвета красные лучи
В глаза ужасно бьют.
Всем – в логово! Ведь солнце же
Начнёт сейчас палить:
Слышны сквозь молодой бамбук
Призывы уходить.
Свои леса, моргая, нам
Осматривать не лень,
А утка дикая кричит:
«У Человека – День!»
На шкурах высохла роса,
А где мы пили, там
Твердеет глина грязная
У тропки к берегам.
Коварный День всем выдаёт,
Что коготь обнажён;
Пускай же всякий отдохнёт,
Кто соблюдал Закон!

Но никакой перевод не может передать её эффект или презрительный вой, который четверо волков вкладывали в каждое её слово, слыша, как трещат деревья, когда люди поспешно забрались на ветки, а Булдео начал повторять заклинания и чары. Потом они все легли и заснули, ведь они, как и все, кто живёт так же, имели методический склад ума; а ведь никто не может работать хорошо, не поспав.

Тем временем Маугли пробежал по четырнадцать километров в час, задирая ноги от восторга, что он в такой хорошей

форме после того, как столько месяцев проторчал среди людей. В его голове была единственная мысль – вытащить Мессуа и её мужа из ловушки, какой бы та ни была; ведь к ловушкам у него было естественное недоверие. А потом, пообещал он себе, он оплатит всей деревне.

Были сумерки, когда он увидел хорошо знакомые пастбища и бутею, у которой Серый Брат ждал его в то утро, когда он убил Шерхана. Хотя он был сердит на всё человеческое племя и общество, что-то подскочило к его горлу и заставило его перевести дыхание, когда он посмотрел на деревенские крыши. Он заметил, что все необычно рано ушли с полей и вместо того, чтобы готовить ужин, собрались толпой под деревенским деревом, болтают и кричат.

-Люди всегда должны расставлять ловушки на людей, иначе они будут недовольны, - сказал Маугли. – Прошлой ночью это был Маугли – но кажется, что та ночь была много дождей назад. Сегодня это Мессуа и её мужчина. Завтра – и ещё очень много ночей после этого – снова будет очередь Маугли.

Он крался вдоль стены, пока не пришёл к хижине Мессуа и не посмотрел через окно в комнату. Там лежала Мессуа с кляпом во рту, связанная по рукам и ногам, тяжело дышавшая и стонавшая: её муж был привязан к ярко раскрашенному остоу кровати. Дверь хижины, которая вела на улицу, была надёжно заперта, а спинами к ней сидели три или четыре человека.

Маугли очень хорошо знал нравы и обычаи деревни. Он был уверен, что пока они могут есть, болтать и курить, они не будут делать ничего другого; но как только они насытятся, то станут опасны. Скоро придёт Булдео, и если его проводники исполнили свой долг, Булдео сможет рассказать очень интересную историю. Так что он вошёл через окно и, нагнувшись над мужчиной и женщиной, перерезал их путы, вытащил кляпы и осмотрел хижину в поисках молока.

Мессуа чуть с ума не сошла от боли и страха (её всё утро били и закидывали камнями), и Маугли прижал ладонь к её рту как раз вовремя, чтобы остановить вопль. Её муж был лишь озадачен и сердит и сидел, вычёсывая пыль и мусор из своей изодранной бороды.

-Я знала – я знала, что он придёт, - всхлипнула наконец Мессуа. – Теперь-то я ЗНАЮ, что он мой сын! – и она прижала Маугли к своему сердцу. До того момента Маугли был совершенно спокоен, но теперь он начал весь дрожать, и это невероятно удивило его.

-Зачем эти путы? Зачем вас связали? – спросил он после паузы.

-Чтобы предать смерти за то, что сделали тебя сыном – за что же ещё? – угрюмо сказал мужчина. – Смотри! У меня идёт кровь.

Мессуа ничего не сказала, но именно на её раны смотрел Маугли, и они слышали скрежет его зубов, когда он увидел кровь.

-Чья это работа? – сказал он. – Они заплатят.

-Работа всей деревни. Я был слишком богатым. У меня было слишком много скота. ПОЭТОМУ мы с ней – ведьмы, так как дали тебе кров.

-Я не понимаю. Пусть эту историю расскажет Мессуа.

-Я давала тебе молоко, Нату; ты помнишь? – робко сказала Мессуа. – Потому что ты был моим сыном, которого забрал тигр, и потому что я очень сильно тебя любила. Они сказали, что я – твоя мать, мать дьявола, и поэтому заслуживаю смерти.

-А что такое дьявол? – сказал Маугли. – Смерть-то я видел.

Мужчина мрачно поднял голову, но Мессуа засмеялась.

-Видишь! – сказала она своему мужу, - я знала – я говорила, что он не волшебник. Он мой сын – мой сын!

-Сын или волшебник, какая нам теперь разница? – ответил мужчина. – Нам уже не жить.

-Вон там дорога в джунгли... - Маугли указал в окно. – Ваши руки и ноги свободны. Немедленно уходите.

-Мы не знаем джунгли, сын мой, так, как – как знаешь ты, - начала Мессуа. – Я не думаю, что смогу далеко уйти.

-А мужчины и женщины нас догонят и снова притащат сюда, - сказал её муж.

-Хм! – сказал Маугли и почесал ладонь кончиком своего ножа для снятия шкур, - я не желаю причинять вред кому-то в этой деревне – ПОКА. Но я не думаю, что вам разрешат остаться. Скоро им ещё будет о чём подумать. А! – Он поднял голову и прислушался к крикам и топоту снаружи. – Значит, они наконец позволили Булдео вернуться домой?

-Его сегодня утром послали тебя убить, - крикнула Мессуа. – Ты его встретил?

-Да – мы – я его встретил. У него есть история, а пока он её рассказывает, мы многое успеем. Но сначала я узнаю, чего они хотят. Подумайте, куда будете уходить, и скажите мне, когда я вернусь.

Он выскочил в окно и снова стал бежать вдоль стены деревни, пока ему не стало слышно толпу вокруг фигового дерева. Булдео лежал на земле, кашлял и стонал, и все задавали ему вопросы. Его волосы упали ему на плечи; его руки и ноги были исцарапаны от лазания по деревьям, и он почти не мог говорить, но с готовностью ощущал важность своего положения. Время от времени он говорил что-то о дьяволах, дьявольских песнях и магических чарах просто для того, чтобы толпа поняла, что грядёт. Потом он запросил воды.

-Фу! – сказал Маугли. – Ну и болтовня! Ну и трёп! Люди – это кровные братья Бандар-логов. Теперь ему надо помыть свой рот водой; теперь ему надо покурить; и когда всё это будет сделано, ему ещё надо будет рассказать свою историю. Это очень мудрый народ – люди. Они никого не оставят охранять Мессуа, пока их уши не будут забиты сказками Булдео. И – я становлюсь таким же ленивым, как они!

Он встряхнулся и прокрался обратно к хижине. Он был уже у окна, когда ощутил, как его ступни что-то коснулось.

-Мама, - сказал он, ведь он хорошо знал этот язык, - а ТЫ что здесь делаешь?

-Я слышала, как в лесах поют мои дети, и пошла за тем, кого любила больше всех. Лягушонок, я желаю посмотреть на ту женщину, которая давала тебе молоко, - сказала Мать-Волчица, вся мокрая от росы.

-Её связали и хотят убить. Я перерезал её путы, и она со своим мужчиной пойдёт через джунгли.

-Я тоже пойду за ними. Я старая, но не беззубая. – Мать-Волчица встала на задние лапы и посмотрела через окно в темноту хижины.

Через минуту она бесшумно опустилась и лишь сказала:

-Твоё первое молоко тебе дала я; но Багира говорит правду: в конце концов Человек идёт к Человеку.

-Может быть, - сказал Маугли с очень недовольным выражением лица, - но сегодня я очень далёк от этого пути. Жди здесь, но не показывайся ей.

-ТЫ никогда меня не боялся, Лягушонок, - сказала Мать-Волчица, пятась в высокую траву и скрываясь, как она умела.

-А теперь, - весело сказал Маугли, снова заскочив в хижину, - они все сидят вокруг Булдео, который говорит то, чего не происходило. Когда его болтовня закончится, они говорят, что точно придут сюда с Красным – с огнём и сожгут вас обоих. А потом?

-Я поговорила со своим мужчиной, - сказала Мессуа. – Ханивара в сорока восьми километрах отсюда, но в Ханиваре мы можем найти англичан...

-А из какой они Стаи? – сказал Маугли.

-Я не знаю. Они белые, и говорят, что они правят всей этой страной и не терпят, чтобы люди сжигали или избивали друг друга без свидетелей. Если сегодня мы сможем туда добраться, мы будем жить. Иначе мы умрём.

-Тогда живите. Сегодня ни один человек не пройдёт через ворота. Но что ОН делает? – Муж Мессуа, стоя на четвереньках, рыл землю в одном углу хижины.

-У него там немного денег, - сказала Мессуа. – Это всё, что мы можем взять.

-Ах да. Штуки, которые передаются из рук в руки и никогда не становятся теплее. За пределами этого места они тоже нужны? – сказал Маугли.

Мужчина сердито уставился на него.

-Он дурак, а не дьявол, - буркнул он. - На деньги я могу купить лошадь. Мы слишком сильно избиты, чтобы уйти далеко, а деревенские жители через час пойдут за нами.

-Я говорю, они НЕ пойдут, если я не захочу; но лошадь - это хорошая мысль, ведь Мессуа устала. - Её муж встал и завязал набедренную повязку с последними рупиями. Маугли помог Мессуа вылезти в окно, и прохладный ночной воздух взбодрил её, но джунгли в свете звёзд выглядели очень тёмными и ужасными.

-Вы знаете путь до Ханивары? - прошептал Маугли.

Они кивнули.

-Хорошо. Теперь запомните, не бойтесь. И нет необходимости идти быстро. Только - только, возможно, в джунглях спереди и сзади вас будут слегка петь.

-Думаешь, мы бы провели ночь в джунглях, если бы не страх перед сожжением? Лучше быть убитым зверями, чем людьми, - сказал муж Мессуа; но Мессуа посмотрела на Маугли и улыбнулась.

-Я говорю, - продолжал Маугли так, как будто он был Балу, в сотый раз повторявшим старый Закон Джунглей глупому детёнышу, - я говорю, что против вас не будет обнажён ни один зуб в джунглях; ни одна лапа в джунглях не будет поднята на вас. Ни человек, ни зверь не задержат вас, пока вам не станет видно Ханивару. За вами будут наблюдать. - Он быстро повернулся к Мессуа, сказав: - ОН не верит, но веришь ли ты?

-Да, конечно, сын мой. Человек, призрак или волк из джунглей, но я верю.

-ОН будет бояться, когда услышит пение моего народа. Ты узнаешь и поймёшь. Теперь идите, и помедленнее, потому что нет никакой необходимости спешить. Ворота закрыты.

Мессуа, всхлипывая, бросилась к ногам Маугли, но он, вздрогнув, очень быстро её поднял. Потом она повисла у него на шее и назвала его всеми ласковыми именами, которые могла придумать, но её муж с завистью посмотрел на свои поля и сказал:

-ЕСЛИ мы дойдём до Ханивары и я достучусь до англичан, я подам на брахмана, Булдео и всех остальных такой иск, что обдеру деревню до костей. Они вдвойне заплатят мне за мой невозделанный урожай и некормленных буйволов. Я добьюсь правосудия.

Маугли засмеялся.

-Я не знаю, что такое правосудие, но – приходи в следующие дожди и увидишь, что останется.

Они ушли к джунглям, и Мать-Волчица выскочила из своего убежища.

-За ними! – сказал Маугли, - и позаботься о том, чтобы все в джунглях знали, что эти двое не опасны. Можешь слегка повыть. Мне надо позвать Багиру.

Раздался и затих долгий тихий вой, и Маугли увидел, как муж Мессуа дёрнулся и повернулся, подумав, не побежать ли обратно в хижину.

-Идите, - весело крикнул Маугли. – Я сказал, что может раздаться пение. Этот зов пойдёт за вами до Ханивары. Это Воля Джунглей.

Мессуа поторопила своего мужа вперёд, и их и Мать-Волчицу скрыла темнота, когда почти под ногами Маугли встал Багира, дрожавший от восторга из-за ночи, которая сводит Народ Джунглей с ума.

-Мне стыдно за твоих братьев, - сказал он, урча.

-А что? Разве они плохо спели для Булдео? – сказал Маугли.

-Слишком хорошо! Слишком хорошо! Из-за них даже Я забыл свою гордость и, клянусь Разбитым Замком, освободившим меня, пошёл по джунглям, распевая так, как будто завлекаю самок весной! Ты нас не слышал?

-Я готовил другую добычу. Спроси Булдео, понравилась ли ему песня. Но где Четвёрка? Я не желаю, чтобы сегодня ночью кто-то из Человеческой Стаи выходил за ворота.

-Да зачем здесь Четвёрка? – сказал Багира, переминаясь с ноги на ногу с горящими глазами и урча ещё громче. – Я могу их задержать, Маленький Брат. Мы уже убиваем? После пения и вида людей, забирающихся на деревья, я полностью

готов. Кто такой Человек, чтобы о нём беспокоиться – голый коричневый копатель, безволосый и беззубый пожиратель земли? Я шёл за ним весь день – средь бела дня – при свете солнца. Я гнал его, как волки гонят оленя. Я Багира! Багира! Багира! Как я танцую со своей тенью, так танцевал я с теми людьми. Смотри! – Огромная пантера прыгнула, как котёнок прыгает на сухой лист, кружащий над головой, ударила влево и вправо по пустому воздуху, который свистнул под ударами, бесшумно приземлилась и прыгала снова и снова, пока смесь урчания и рычания не стала громкой, как рокочущий пар в котле. – Я Багира – в джунглях – ночью, и моя сила при мне. Кто выдержит мой удар? Человеческий детёныш, одним ударом лапы я мог бы расплющить твою голову, как мёртвую лягушку летом!

-Что ж, бей! – сказал Маугли на деревенском диалекте, а НЕ на языке джунглей, и от человеческих слов Багира резко остановился, упав на свою заднюю часть, которая задрожала под ним, и держа голову на одном уровне с головой Маугли. Маугли опять уставился на него, как уставился на непокорных волчат, прямо в зелёные, как берилл, глаза, пока красное сияние за их зеленью не угасло, как свет маяка, выключенного в тридцати километрах через море; пока не опустились его глаза, а с ними опускалась всё ниже и ниже большая голова, и плюсну Маугли потёр красный язык.

-Брат – Брат – Брат! – прошептал мальчик, спокойно и легко глядя от шеи до вздымающейся спины. – Спокойно, спокойно! Это вина ночи, а не твоя.

-Это всё запахи ночи, - с раскаянием сказал Багира. – Этот воздух прямо кричит на меня. Но откуда ТЫ знаешь?

Конечно, в воздухе у индийской деревни полно всяких запахов, и любое существо, которое почти всегда думает, полагаясь на нос, запахи сводят с ума так же, как людей – музыка и наркотики. Маугли ещё несколько минут успокаивал пантеру, и тот лёг, как кот перед камином, поджав под себя лапы и прикрыв глаза.

-Ты и из джунглей, и НЕ из джунглей, - сказал он наконец. – А я всего лишь чёрная пантера. Но я люблю тебя, Маленький Брат.

-Они очень долго ведут свой разговор под деревом, - сказал Маугли, не замечая последнее предложение. – Должно быть, Булдео уже рассказал много историй. Скоро они должны прийти, чтобы вытащить женщину и её мужчину из ловушки и посадить их на Красный Цветок. Они обнаружат, что ловушка разломана. Хо-хо!

-Нет, слушай, - сказал Багира. – Лихорадка уже покинула мою кровь. Пусть они найдут там МЕНЯ! После встречи со мной немногие станут выходить из своих домов. Я не в первый раз попадаю в клетку; и я не думаю, что МЕНЯ свяжут верёвками.

-Что ж, будь осторожен, - сказал Маугли, смеясь; ведь он начинал чувствовать себя таким же безрассудным, как уже скользнувшая в хижину пантера.

-Тьфу! – проворчал Багира. – В этом месте полно Людей, но вот точно такая же кровать, как та, на которой мне давали спать в королевских клетках в Удипоре. Теперь я ложусь. – Маугли услышал, как пружины койки трещат под весом этого огромного зверя. – Клянусь Разбитым Замком, освободившим меня, они подумают, что поймали крупную добычу! Подходи и садись рядом со мной, Маленький Брат; мы вместе устроим им «добрую охоту»!

-Нет; у меня мысли о другой добыче. Человеческая Стая не узнает, какую роль я сыграл в твоём развлечении. Охоться сам. Я не желаю их видеть.

-Пусть так, - сказал Багира. – А вот и они!

Совещание под фиговым деревом на дальнем конце деревни становилось всё шумнее и шумнее. Оно перешло в дикие вопли, и по улице понеслись мужчины и женщины, размахивая дубинами, бамбуковыми шестами, серпами и ножами. Впереди были Булдео и брахман, но толпа наступала им на пятки и кричала:

-Ведьма и колдун! Посмотрим, заставят ли их признаться раскалённые монеты! Сожжём хижину над их головами! Мы им покажем, как укрывать волчьих дьяволов! Нет, сначала изобьём их! Факелов! Ещё факелов! Булдео, готовь стволы!

Тут у них возникла небольшая трудность с засовом на двери. Он был очень крепко задвинут, но толпа просто сорвала его, и свет факелов полился в комнату, где, во весь рост растянувшись на кровати, скрестив лапы и слегка свешиваясь с одной стороны, чёрный, как Бездна, и ужасный, как демон, лежал Багира. На полминуты наступила отчаянная тишина – передние ряды толпы рванули прочь от порога, и за это время Багира поднял голову и зевнул – протяжно, старательно и хвастливо – как зевал, когда хотел оскорбить равного себе. Его волосатые губы широко раздвинулись; красный язык свернулся; нижняя челюсть опускалась всё ниже и ниже, пока не стала видна напряжённая глотка; а громадные хищные зубы выделялись на фоне дёсен, пока не схлопнулись вместе, верхние с нижними, со звуком стальных замков, закрывающихся на дверях сейфа. В следующее мгновение на улице было пусто; Багира выпрыгнул обратно в окно и встал рядом с Маугли, пока в вопящем, кричащем потоке возились и спотыкались друг о друга в паническом бегстве в собственные хижины.

-Пока не придёт день, они не шевельнутся, - тихо сказал Багира. – А теперь?

Казалось, деревней овладела тишина послеобеденного сна; но, прислушавшись, они слышали звук тяжёлых ящиков с зерном, которые тащат по земляному полу и прислоняют к дверям. Багира был абсолютно прав: до рассвета деревня не шевельнётся. Маугли сидел неподвижно и думал, и его лицо становилось всё мрачнее и мрачнее.

-Что я наделал? – сказал Багира, наконец встав на ноги и вильнув хвостом.

-Кое-что очень хорошее. Теперь последи за ними до рассвета. А я – спать. – Маугли убежал в джунгли, упал на скалу, словно мертвец, и проспал весь день и всю ночь.

Когда он проснулся, рядом с ним был Багира, а у его ног – только что убитый олень. Багира любопытно наблюдал, как Маугли работает своим ножом для снятия шкур, ест, пьёт и поворачивается к нему, держа подбородок в руках.

-Мужчина и женщина безопасно дошли до окрестностей Ханивары, - сказал Багира. – Твоя мать из логова отправила с

сообщением коршуна Ранна. После своего освобождения они ещё до полуночи нашли лошадь и отправились очень быстро. Не хорошо ли это?

-Это хорошо, - сказал Маугли.

-А твоя Человеческая Стая в деревне не шевельнулась, пока сегодня утром солнце не поднялось высоко. Потом они поели свою пищу и быстро убежали обратно в свои дома.

-Они тебя, случайно, не видели?

-Это могло случиться. На рассвете я валялся в пыли у ворот и, возможно, спел сам себе одну короткую песню. Теперь, Маленький Брат, всё сделано. Пошли охотиться со мной и Балу. Он хочет показать новые улы, и мы все желаем, чтобы ты вернулся и всё было как раньше. Убери это выражение лица, которого даже я боюсь! Мужчину и женщину не посадят на Красный Цветок, а в джунглях всё хорошо. Не правда ли? Давай забудем про Человеческую Стаю.

-Они будут забыты через некоторое время. Где сегодня пасётся Хатхи?

-Где захочет. Кто же будет отвечать за Спокойного? А что? Что может сделать Хатхи, чего не можем мы?

-Попроси его и трёх его сыновей прийти сюда, ко мне.

-Но, в самом деле, Маленький Брат, Хатхи не – не подобает говорить «Приходи» и «Уходи». Помни, он Хозяин Джунглей, и до того, как Человеческая Стая изменила выражение твоего лица, он научил тебя Главным Словам Джунглей.

-Это всё равно. Теперь у меня к нему есть Главное Слово. Попроси его прийти к Маугли Лягушке: а если он не услышит с первого раза, попроси его прийти ради Разгрома Полей Буртпора.

-Разгром Полей Буртпора, - повторил Багира два или три раза, чтобы не забыть. – Я пошёл. Хатхи может рассердиться только в самом худшем случае, а я бы отдал месяц охоты, чтобы услышать Главное Слово, которое подчинит Спокойного.

Он ушёл, оставив Маугли, яростно тыкавшего ножом для снятия шкур в землю. Маугли никогда в жизни не видел

человеческую кровь до того, как увидел и – что означало для него гораздо больше – учуял кровь Мессуа на связавших её путах. А Мессуа была добра к нему, и насколько он разбирался в любви – он любил Мессуа почти так же сильно, как ненавидел всё остальное человечество. Но, хотя он глубоко презирал их, их болтовню, их жестокость и их трусость, в джунглях не было того, за что он бы смог заставить себя отнять человеческую жизнь и вновь ощутить ноздрями тот ужасный запах крови. Его план был проще, но гораздо совершеннее; и он засмеялся себе под нос, когда подумал, что идею ему подавала одна из старых историй Булдео, рассказанная вечером под фиговым деревом.

-Это **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** Главное Слово, - прошептал Багира ему в ухо. – Они паслись у реки и подчинились, словно волы. Смотри, куда они сейчас пришли!

Хатхи и три его сына прибыли, как обычно, не издав ни звука. На их боках была ещё свежая грязь реки, а Хатхи задумчиво жевал зелёный стебель подорожника, который сорвал своими бивнями. Но по каждой линии его обширного тела Багире, который разбирался в таких вещах, было件нятно, что это не Хозяин Джунглей говорит с Человеческим детёнышем, а тот, кто боится, пришёл к тому, кто не боится. Три сына покачивались рядом друг с другом за спиной своего отца.

Маугли едва поднял голову, когда Хатхи пожелал ему «доброй охоты». Он долго покачивался и переминался с ноги на ногу, пока Маугли не заговорил; а тот, открыв рот, обратился не к слонам, а к Багире.

-Я расскажу историю, которую мне рассказал охотник, на которого ты охотился сегодня, - сказал Маугли. – Она про слона, старого и мудрого, который упал в ловушку, и заострённый кол в яме расцарапал его от места чуть выше пятки до верха плеча, оставив белую отметину. – Маугли протянул руку, и когда Хатхи развернулся, свет луны показал на его тёмно-сером боку длинный белый шрам, как будто его ударили раскалённым докрасна кнутом. – Люди пришли забрать его из ловушки, - продолжил Маугли, - но он разорвал верёвки, потому что был силён, и ушёл до тех пор, пока не зажила его рана. Потом он, сердитый, пришёл ночью на поля тех охотников. И я сейчас вспомнил, что у него было

три сына. Всё это случилось много-много дождей назад и очень далеко – среди полей Буртпора. Что случилось с теми полями в следующую жатву, Хатхи?

-Их пожинали я и три моих сына, - сказал Хатхи.

-А с пахотой, которая следует за жатвой? – сказал Маугли.

-Пахоты не было, - сказал Хатхи.

-А с людьми, которые живут у зелёных всходов на земле? – сказал Маугли.

-Они ушли.

-А с хижинами, в которых люди спали?

-Крыши мы разорвали на куски, а стены поглотили джунгли, - сказал Хатхи.

-А что ещё? – сказал Маугли.

-Столько же хорошей земли с востока на запад, сколько я могу пройти за две ночи, а с севера на юг – сколько я могу пройти за три ночи, забрали джунгли. Мы впустили джунгли в пять деревень; и в этих деревнях и на их землях, пастбищах и мягкой почве, сегодня ни один человек не берёт пищу с земли. То был Разгром Полей Буртпора, который устроили я и три моих сына; а теперь я спрашиваю, Человеческий детёныш, как новости о нём дошли до тебя? – сказал Хатхи.

-Мне рассказал человек, и теперь я вижу, что даже Булдео может говорить правду. Это было сделано хорошо, Хатхи с белой отметиной; но во второй раз это должно быть сделано лучше, ведь причина в том, что их направляет человек. Знаешь деревню Человеческой Стаи, из которой меня изгнали? Они ленивые, бесчувственные и жестокие; они играют со своими ртами и убивают слабых не ради пищи, а ради развлечения. Когда они сытые, они бросают себе подобных на Красный Цветок. Я это видел. Нельзя, чтобы они и дальше здесь жили. Я их ненавижу!

-Тогда убей, - сказал младший из трёх сыновей Хатхи, подняв пучок травы, обтерев им свои передние ноги и выкинув, воровато поглядывая туда-сюда красными глазами.

-Какая мне польза от белых костей? – сердито ответил Маугли. – Я что, волчонок, чтобы играть на солнце с сырой

головой? Я убил Шерхана, и его шкура гниёт на Скале Совета; но – но я не знаю, куда делся сам Шерхан, а мой желудок до сих пор пуст. Теперь я заберу то, что вижу и могу достать. Впусти в ту деревню джунгли, Хатхи!

Багира дрогнул и съёжился. В самом худшем случае он мог понять быструю пробежку по деревенской улице, пару ударов по толпе или коварное убийство людей, когда они падают в сумерки; но этот план – намеренно стереть с глаз людей и зверей целую деревню – его пугал. Теперь он понял, зачем Маугли послал за Хатхи. Планировать и вести такую войну не мог никто, кроме этого слона-долгожителя.

-Пусть они бегут, как бежали люди с полей Буртпора, пока вместо вспаханных земель не останется лишь дождевая вода, а вместо треска их механизмов – шум дождя по густой листве, пока мы с Багирой не устроим логово в доме брахмана, а из бака за храмом не будет пить олень! Впусти джунгли, Хатхи!

-Убивать не будем? При Разгроме Полей Буртпора мои бивни были красными, и я не стал бы снова вызывать этот запах.

-Я тоже. Я даже не желаю, чтобы на чистой земле лежали их кости. Пусть уйдут и найдут себе новое логово. Они не могут остаться здесь. Я видел и чуял кровь женщины, которая давала мне пищу – женщины, которую убили бы, если бы не я. Только запах свежей травы на их порогах может заглушить этот запах. У меня жжёт во рту. Впусти джунгли, Хатхи!

-А! – сказал Хатхи. – Так же жгло шрам от кола на моей шкуре, пока мы не увидели, как деревни умирают под весенним ростом. Теперь я понимаю. Твоя война будет нашей войной. Мы впустим джунгли!

Маугли еле успел перевести дыхание – он весь трясся от ярости и ненависти, пока не опустело место, где стояли слоны, а Багира в ужасе смотрел на него.

-Клянусь Разбитым Замком, освободившим меня! – сказал наконец Чёрная Пантера. – Неужели ТЫ – та голая тварь, за которую я заступился перед Стаей, когда все были моложе? Хозяин Джунглей, когда уйдёт моя сила, заступись за меня – заступись за Балу – заступись за нас всех! Мы перед тобой – детёныши! Треснувшие сучья под ногами! Оленята, потерявшие свою лань!

От мысли о том, что Багира – потерянный оленёнок, Маугли свалился и засмеялся, и перевёл дыхание, и всхлипнул, и снова смеялся, пока ему не пришлось прыгнуть в озеро, чтобы остановиться. Там он стал плавать кругами, минуя полосы лунного света, как лягушка, в честь которой его называли.

К тому времени Хатхи и три его сына повернули каждый в одну из сторон света и тихо шагали по долинам в полутора километрах оттуда. Они прошли двухдневный путь – то есть добрых девяносто шесть километров – через джунгли; и о каждом сделанном ими шаге, и о каждом взмахе их хоботов, знали, и замечали, и разговаривали Мэнг, и Ранн, и Народ Обезьян, и все птицы. Потом они начали пастись и около недели паслись тихо. Хатхи и его сыновья похожи на Каа, Горного Питона. Они никогда не спешат, пока им не придётся. К концу того времени – и никто не знал, кто его распустил – по джунглям пошёл слух, что самую лучшую пищу и воду можно найти в такой-то долине. Компании свиней – которые, конечно, ради хорошей еды пойдут на край света – двинулись первыми, толкаясь на скалах, а за ними – олени и мелкие дикие лисы, которые питаются мёртвыми и умирающими из стада; а вместе с оленями двинулась плечистая антилопа нильгау, а за нильгау пошли буйволы с болот. Малейшая тревога повернула бы разрозненные, беспорядочные стада, которые пасутся, гуляют, пьют и снова пасутся; но когда была тревога, кто-то один приходил и успокаивал их. Один раз это был дикобраз Икки с новостями о хорошем корме прямо впереди; в другой раз Мэнг весело кричал и спустился в прогалину, показывая, что там пусто; или Балу с полным ртом корешков шаркал рядом с неровным строем и одновременно пугал их и весело возился, неуклюже возвращая их на нужный путь. Очень много созданий повернуло назад, убежало или потеряло интерес, но и продолжило идти вперёд очень много. Ещё через десять дней ситуация была такая. Олени, свиньи и нильгау нарезали круги с радиусом километров в тринадцать-шестнадцать, а по краям рыскали Пожиратели Плоти. В центре этого круга была деревня, а вокруг деревни зрел урожай, а среди урожая сидели люди на том, что они называют мачанами – платформах, похожих на голубиные насесты, сделанных из палок на четырёх шестах – чтобы отпугивать птиц и других

воров. Оленей уже не приходилось уговаривать. Пожиратели Плоты были у них на хвосте и гнали их вперёд и вглубь.

Была тёмная ночь, когда Хатхи и три его сына выбрались из джунглей и сломали шести мачанов своими хоботами; те упали, как падает переломленный стебель цветущего болиголова, и люди, которые с них свалились, услышали своими ушами низкое ворчание слонов. Потом авангард озадаченных оленьих армий прорвался и заполонил деревенские пастбища и распаханые поля; а с ними пришли дикие свиньи с рылами и острыми копытами, и то, что оставили олени, перепортили свиньи, и время от времени их стада встряхивал вой волков, и они начинали отчаянно бегать взад-вперёд, растапывая молодой ячмень и разрушая берега оросительных каналов. Не успел наступить рассвет, как в одной точке давление на круг прекратилось. Пожиратели Плоты отступили и оставили открытым путь на юг, и олени стало за стадом убежали по нему. Другие, кто был отважнее, залегли в зарослях, чтобы в следующую ночь закончить есть.

Но дело было практически сделано. Когда на следующее утро жители деревни посмотрели, то увидели, что их урожай потерян. А это означало, что они умрут, если не уйдут, потому что они из года в год жили на грани голода, так как рядом были джунгли. Когда буйволов отправили пастись, эти голодные звери обнаружили, что пастбища обчистили олени, и поэтому побрели в джунгли и заснули вместе со своими дикими собратьями; а когда наступили сумерки, три или четыре пони, принадлежавшие деревне, лежали в своих конюшнях с разбитыми головами. Только Багира мог нанести эти удары, и только Багира мог додуматься дерзко притащить тушу последнего на открытую улицу.

В ту ночь у жителей деревни не хватило духа развести в полях костры, так что Хатхи и три его сына пошли собирать то, что осталось; а там, где собирает Хатхи, за ним не нужно идти. Люди решили продержаться до наступления дождей за счёт кукурузы, запасённой для посева, а потом устроиться на работу слугами, чтобы наверстать потерянный год; но пока торговец зерном думал о своих заполненных до отказа ящиках с кукурузой и ценах, которые он взвинтит при продаже, острые бивни Хатхи пробили угол его сарая и

открыли большой ивовый сундук, испачканный коровьим навозом, где лежало драгоценное зерно.

Когда была обнаружена эта последняя потеря, слово взял брахман. Он молился своим Богам и не получил ответа. Возможно, сказал он, что деревня случайно обидела одного из Богов Джунглей, ведь джунгли, без сомнения, были против них. Так что они послали за вождём ближайшего племени кочевых гондов – маленьких, мудрых и очень чёрных охотников, живущих в глубине джунглей, чьи отцы произошли от самой старой расы в Индии – исконных хозяев этой земли. Они задобрили гонда, чем могли, и он встал на одной ноге с луком в руке и двумя или тремя отравленными стрелами, торчащими в пучке его волос, со смесью испуга и презрения глядя на нервных жителей деревни и их разрушенные поля. Они желали знать, сердятся ли на них его Боги – Старые Боги – и какие жертвы стоит предложить. Гонд ничего не сказал, но подобрал побег карелы, лианы, на которой растёт горькая дикая тыква, и расстелил его у двери храма, прямо перед лицом изображения красного индусского бога. Потом он рукой указал в воздух в направлении дороги к Ханиваре, и ушёл обратно в свои джунгли, и стал смотреть, как по ним расхаживает Народ Джунглей. Он знал, что когда джунгли наступают, только белые люди могут надеяться их остановить.

Не было необходимости спрашивать, что он имел в виду. Там, где они почитали своего Бога, вырастет дикая тыква, и чем скорее они спасутся, тем лучше.

Но оторвать деревенских жителей от дома трудно. Они оставались, пока у них ещё была еда на лето, и пытались собирать в джунглях орехи, но тени с горящими глазами наблюдали за ними и маячили перед ними даже в полдень; и когда они, испуганные, бежали обратно к своим стенам, на стволах деревьев, мимо которых они проходили меньше пяти минут назад, кора была ободрана и разбита ударом какой-то огромной когтистой лапы. Чем ближе к деревне они держались, тем отважнее становились дикие твари, которые скакали и вопили на пастбищах Вайнгунги. У них не было времени заделать и заштукатурить задние стенки пустых коровников со стороны джунглей; их пробил дикая свинья, а за ней поспешили лианы с узловатыми корнями и бросили

свои побеги на вновь завоёванную землю, а за лианами выросла жёсткая трава, похожая на копья гоблинской армии, преследующей отступающих. Первыми убежали холостые мужчины и повсюду разнесли новость о том, что деревня обречена. Кто может сражаться, говорили они, против джунглей или против Богов Джунглей, когда сама деревенская кобра покинула свою нору в платформе под фиговым деревом? Их редкая торговля с внешним миром угасала по мере того, как уменьшалось количество и качество протоптанных троп на равнинах. Наконец, ночной рёв Хатхи и трёх его сыновей перестал их беспокоить; ведь у них больше нечего было отбирать. Урожай на земле и семена в земле были отобраны. Наружные поля уже теряли форму, и настало время уповать на милосердие англичан в Ханиваре.

Естественно, они со дня на день откладывали своё отбытие, пока их не застигли первые дожди и не потекли незаделанные крыши, а в пастбищах проваливались по щиколотку, и после жаркого лета всё резко ожило. Тогда они побрели прочь – мужчины, женщины и дети – сквозь слепящий жаркий утренний дождь, но, естественно, повернулись, чтобы в последний раз посмотреть на свои дома.

Когда в ворота прошла последняя нагруженная семья, они услышали за стенами треск падающих балок и соломы. Они увидели, как на мгновение поднялся блестящий змеевидный чёрный хобот, разбрасывая сырую солому. Он исчез, а потом опять раздался треск, а за ним – вопль. Хатхи срывал с хижин крыши так же, как мы срываем кувшинки, и укололся крепкой балкой. Только это ему и надо было, чтобы разойтись в полную силу, потому что из всех тварей в джунглях самая буйная и разрушительная – это разъярённый дикий слон. Он лягнул глинобитную стену, которая развалилась от удара и, развалившись, превратилась в жёлтую грязь под потоком дождя. Потом он развернулся, и завопил, и рванул по узким улицам, прислоняясь к хижинам справа и слева, сотрясая покосившиеся двери и сминая подвалы; а сзади бесились три его сына так же, как они бесились при Разгроме Полей Буртпора.

-Джунгли поглотят эти каркасы, - сказал тихий голос среди обломков. - Необходимо снести внешнюю стену, - и Маугли,

по голым плечам и рукам которого хлестал дождь, спрыгнул со стены, которая ложилась, как усталый буйвол.

-Всему своё время, - пропыхтел Хатхи. – Ох, а в Буртпоре мои бивни были красными; к внешней стене, дети! Головой! Вместе! Давайте!

Все четверо плечом к плечу толкнули; внешняя стена пошатнулась, раскололась и упала, и жители деревни, одурев от ужаса, увидели в неровной дыре жестокие залитые глиной головы крушителей. Тогда они побежали по долине, бездомные и лишённые еды, пока за ними таяла их деревня, разорванная, разбросанная и растоптанная.

Через месяц на этом месте был неровный холм, покрытый мягкой зелёной молодой порослью; а к концу дождей на том месте, которое меньше шести месяцев назад было под плугом, вообще были шумные джунгли.

Глава третья. Королевский анкус

Каа, большой Горный Питон, сменил свою кожу, наверное, двухсотый раз в жизни; и Маугли, который никогда не забывал, что он обязан жизнью Каа после ночной работы в Холодных Логовах, о чём вы, наверное, помните, пошёл его поздравить. Смена кожи всегда вгоняет змею в уныние и депрессию, пока не засияет и не будет выглядеть красиво новая кожа. Каа уже не смеялся над Маугли, а принял его так же, как и весь Народ Джунглей, как Хозяина Джунглей, и приносил ему все новости, которые может услышать питон его размера. То, что Каа не знал о Средних Джунглях – как называют жизнь, которая проходит близко к земле или под ней, жизнь на булыжниках, в норах и на стволах деревьев – можно было бы записать на самых маленьких его чешуйках.

В тот день после обеда Маугли сидел, окружённый огромными кольцами Каа, проводя пальцем по отслоенной и порванной старой коже, которая лежала, скрученная и перекошенная, среди скал, прямо там, где Каа её оставил. Каа очень любезно расположился под широкими голыми плечами Маугли, так что мальчик фактически отдыхал в живом кресле.

-Даже чешуя на глазах идеальна, - сказал Маугли шёпотом, играя со старой кожей. – Странно видеть у своих ног то, что носил на голове!

-Да, но у меня нет ног, - сказал Каа, - и раз это обычай всего моего народа, я не нахожу его странным. Неужели ты никогда не чувствуешь, что у тебя старая и неприятная кожа?

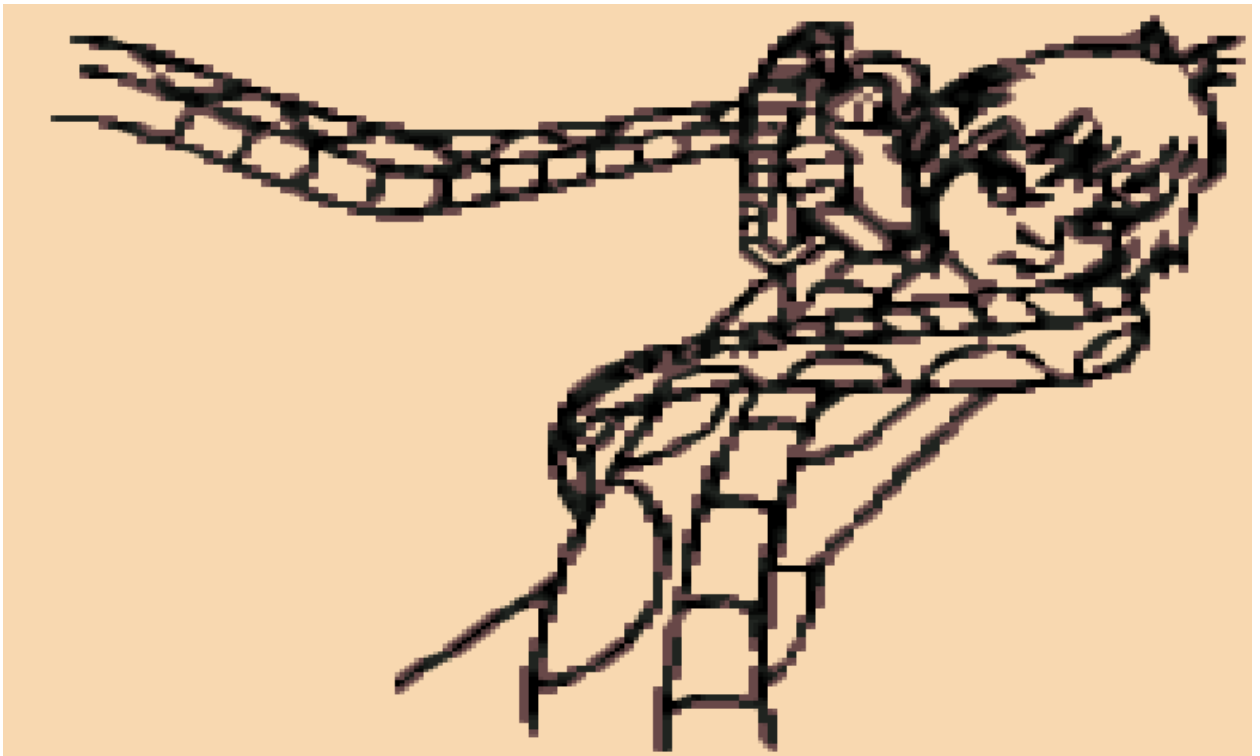
-Тогда я иду мыться, Плоскоголовый; но в сильную жару я и правда жалел, что не могу безболезненно сбросить кожу и побегать без неё.

-Я моюсь, а ЕЩЁ я снимаю кожу. Как выглядит новая шкура? Маугли провёл рукой по диагональным отметинам на огромной спине.

-У черепахи спина твёрже, но не такая яркая, - рассудительно сказал он. – Лягушка, моя тёзка, ярче, но не такая твёрдая. Кожа на вид очень красивая – как пятна в бутоне лилии.

-Ей нужна вода. Новая кожа никогда не приобретает полный цвет до первого купания. Пойдём искупаемся.

-Я тебя понесу, - сказал Маугли и, смеясь, нагнулся, чтобы поднять среднюю часть огромного тела Каа, где он как раз был толще всего. С таким же успехом взрослый мужчина мог бы пытаться поднять полуметровую водопроводную трубу, и Каа лежал неподвижно, фыркая от тихого веселья. Потом началась регулярная вечерняя игра – Мальчик, собравший все свои силы, и Питон в своей роскошной новой коже начали бороться друг с другом в испытании глаз и силы. Конечно, если бы Каа забылся, он мог бы раздавить дюжину Маугли; но он играл осторожно и никогда не применял даже одной десятой своей силы. Как только Маугли стал достаточно силен, чтобы переносить слегка грубое обращение, Каа научил его этой игре, и она разминала ему конечности, как ничто другое.

Иногда Маугли стоял, завёрнутый почти до горла в ползущие кольца Каа, стремясь высвободить одну руку и поймать за горло его. Тогда Каа вяло ослаблял хватку, и Маугли обеими быстрыми ногами пытался зажать конец этого огромного хвоста, который бросался назад, нащупывая камень или пенёк. Они раскачивались взад-вперёд, голова к голове, каждый ожидал своего шанса, пока, похожие на красивую скульптурную группу, они не сливались в вихре чёрно-жёлтых колец и борющихся рук и ног, и не вставали снова и снова.

-Так! Так! Так! – говорил Каа, делая финты головой, которые не могла отбить даже быстрая рука Маугли. – Смотри! Я достал тебя здесь, Маленький Брат! Здесь, и здесь! У тебя руки онемели? Снова здесь!

Игра всегда заканчивалась одинаково – прямым прицельным ударом головы, который сбивал мальчика снова и снова. Маугли никак не мог научиться защите от этого молниеносного броска, и, как сказал Каа, не было ни малейшего смысла пытаться.

-Доброй охоты! – проворчал наконец Каа, и Маугли, как обычно, был отброшен на полдесятка метров, пыхтя и смеясь. Он поднялся с полными пальцами травы и пошёл за Каа к любимому месту для купания этой мудрой змеи – к глубокому

чёрному озеру, окружённому камнями и примечательному утопленными пнями. Мальчик вошёл в него, как положено в джунглях, без единого звука и нырнул к противоположному берегу; вынырнул тоже без единого звука и перевернулся на спину, держа руки за головой, наблюдая, как над скалами восходит луна, и пальцами ног разрывая её отражение в воде. Ромбовидная голова Каа разрезала озеро, как бритва, и, вынырнув, легла Маугли на плечо. Они лежали неподвижно, с наслаждением отмокая в прохладной воде.

-ОЧЕНЬ хорошо, - наконец сонно сказал Маугли. - Помню, в Человеческой Стае в этот час ложились на твёрдые куски дерева внутри отстойника и, тщательно закрывшись от всех чистых ветров, задёргивали над тяжёлой головой грязную ткань и пели своими носами злые песни. В джунглях лучше.

По скале соскользнула попить торопливая кобра, пожелала им «Доброй охоты!» и уползла.

-Шшш! - сказал Каа так, как будто вдруг что-то вспомнил. - Значит, джунгли дают тебе всё, что ты когда-либо хотел, Маленький Брат?

-Не всё, - сказал Маугли, смеясь, - иначе бы раз в луну появлялся новый, сильный Шерхан. Теперь я мог бы убить его собственными руками, не прося буйволов о помощи. А ещё я жалел, что посреди дождей не светит солнце, а в разгар лета солнце не закрывают дожди; а ещё я никогда не голодал, но желал убить козла; а ещё я никогда не убивал козла, но желал, чтобы это был олень; нет, не олень - я желал, чтобы это была нильгау. Но это чувствуем мы все.

-У тебя нет других желаний? - задала вопрос большая змея.

-Чего мне ещё желать? У меня есть джунгли и милость джунглей! Разве между рассветом и закатом где-то есть что-то ещё?

-А вот кобра сказал... - начал Каа.

-А что кобра? Тот, что уполз только что, ничего не сказал. Он охотился.

-Это был другой.

-А много ли дел ты имеешь с Ядовитым Народом? Я даю им пройти. Они несут смерть в передних зубах, а это нехорошо – ведь они у них так малы. Но что это за капюшон, с которым ты разговаривал?

Каа медленно поплыл по воде, как пароход в беспокойном море.

-Три или четыре луны назад, - сказал он, - я охотился в Холодных Логовах, месте, о котором ты не забыл. А тварь, на которую я охотился, пробежала, визжа, мимо баков и к тому дому, стену которого я однажды сломал ради тебя, и убежала под землю.

-Но народ Холодных Логов не живёт в норах. – Маугли знал, что Каа говорит о Народе Обезьян.

-Эта тварь не жила, а пыталась выжить, - ответил Каа, дёрнув языком. – Он вбежал в нору, которая вела очень далеко. Я пополз за ним, а убив его, я заснул. Проснувшись, я пополз вперёд.

-Под землю?

-Именно так, наконец наткнувшись на Белого Капюшона (белую кобру), который говорил о вещах, что я не знал, и показал мне многие вещи, которых я никогда раньше не видел.

-Новая добыча? Это была добрая охота? – Маугли быстро повернулся набок.

-Это была не добыча, и об неё я сломал бы все зубы; но Белый Капюшон сказал, что человек – он говорил, как тот, кто знает это племя – что человек отдал бы дыхание под своими рёбрами, чтобы просто посмотреть на те вещи.

-Мы посмотрим, - сказал Маугли. – Я теперь помню, что когда-то был человеком.

-Не торопись – не торопись. Спешка убила Жёлтую Змею, которая съела солнце. Мы двое говорили друг с другом под землёй, и я заговорил о тебе, назвав тебя человеком. И сказал Белый Капюшон (а он на самом деле стар, как сами джунгли): «Давно я не видел человека. Пусть он придёт, и он

увидит все эти вещи, за меньшую из которых очень многие люди умерли бы».

-Это НАВЕРНЯКА новая добыча. И всё же Ядовитый Народ не говорит нам, когда рядом добыча. Они – народ недружелюбный.

-Это НЕ добыча. Это – это – я не могу сказать, что это.

-Мы пойдём туда. Я никогда не видел Белого Капюшона и желаю увидеть и другие вещи. Их убил он?

-Они все неживые. Он говорит, что является хранителем их всех.

-А! Так же, как волк стоит над мясом, которое отнёс к себе в логово. Пошли.

Маугли подплыл к берегу, покатался по траве, чтобы высохнуть, и они вдвоём отправились к Холодным Логовам, заброшенному городу, о котором вы могли слышать. В те дни Маугли ничуть не боялся Народа Обезьян, а Народ Обезьян очень сильно боялся Маугли. Их племена, однако, совершали набег на джунгли, так что в Холодных Логовах при свете луны было пусто и тихо. Каа первым приполз к руинам павильона королев, который стоял на террасе, скользнул через мусор и нырнул под полузаваленную лестницу, которая вела из центра павильона под землю. Маугли издал змеиный зов:

-Мы с тобой одной крови, ты и я, - и на четвереньках пополз за ним. Они проползли большое расстояние вниз по покатому проходу, который несколько раз поворачивал и извивался, и, наконец, пришли туда, где сквозь твёрдый камень стены пробился корень какого-то огромного дерева, растущего в девяти метрах над ними. Они пробрались в дыру и оказались в большом хранилище, куполообразная крыша которого тоже была разломана древесными корнями так, что в темноту падало несколько полос света.

-Надёжное логово, - сказал Маугли, твёрдо вставая на ноги, - но слишком далёкое, чтобы ходить каждый день. А теперь на что нам смотреть?

-А я что, пустое место? – сказал голос в середине хранилища; и Маугли видел, как двигается что-то белое, пока постепенно

не поднялась самая огромная кобра, на которую он когда-либо смотрел – существо длиной почти в два с половиной метра, побледневшее от пребывания в темноте до белого цвета старой слоновой кости. Даже очковые отметины на его широком капюшоне потускнели до бледно-жёлтого цвета. Глаза у него были красными, как рубины, и в целом он был крайне великолепен.

-Доброй охоты! – сказал Маугли, который всегда держал при себе как свой нож, так и свои манеры.

-Что с городом? – сказал Белая Кобра, не отвечая на приветствие. – Что с огромным городом-крепостью – городом ста слонов, и двадцати тысяч лошадей, и бессчётного скота – городом Короля Двадцати Королей? Я здесь гложу, и я давно уже не слышал их военные гонги.

-Над нашими головами – джунгли, - сказал Маугли. – Из слонов я знаю только Хатхи и его сыновей. Всех лошадей в одной деревне убил Багира, а – что такое король?

-Я говорил тебе, - тихо сказал Каа кобре, - я говорил тебе четыре луны назад, что твоего города нет.

-Город – великий город леса, чьи ворота защищены башнями короля – никогда не может умереть. Его построили до того, как отец моего отца вылупился из яйца, и он простоит, когда сыновья моего сына будут такими же белыми, как я! Его построил в дни Баппы Равала Саломди, сын Чандрабиджи, сына Виежди, сына Егасури. А ТЫ чей скот?

-Мы шли зря, - сказал Маугли, поворачиваясь к Каа. – Я не знаю его речи.

-Я тоже. Он очень стар. Отец Кобр, здесь только джунгли, и так было с самого начала.

-Тогда кто ОН, - сказал Белая Кобра, - сидящий передо мной, не боящийся, не знающий имя короля, говорящий нашу речь человеческими губами? Кто он, с ножом и языком змеи?

-Меня называют Маугли, - ответил тот. – Я из джунглей. Мой народ – волки, а этот Каа – мой брат. Отец Кобр, кто ты такой?

-Я – Страж Королевского Сокровища. Камни надо мной построил Куррун Раджа в те дни, когда моя кожа была тёмной, чтобы я мог проучить насмерть тех, кто пришёл украсть. Потом сквозь камень спустили сокровище, и я услышал песню брахманов, моих хозяев.

-Эмм! – сказал Маугли сам себе. – Я уже имел дело с одним брахманом в Человеческой Стае, и я знаю то, что знаю. Зло приходит сюда понемногу.

-С тех пор, как я сюда приполз, камень поднимали пять раз, но всегда для того, чтобы спустить ещё, и никогда для того, чтобы убрать. Нет богатств, подобных этим – сокровищам ста королей. Но в последний раз камень двигали давным-давно, и я думаю, что мой город забыл.

-Города нет. Посмотри вверх. Вон там – корни огромных деревьев, разрывающие камни на части. Деревья и люди не растут вместе, – настаивал Каа.

-Дважды и трижды находили люди путь сюда, – жестоко ответил Белая Кобра, – но они не говорили, пока я не наткнулся на них, шарящих в темноте, и тогда они всего лишь коротко вскрикивали. Но вы пришли с ложью, Человек и Змея, и хотите заставить меня поверить, что города нет и что моей службе конец. Мало же люди меняются за годы. Но я не меняюсь никогда! Пока не поднимут камень, и не спустятся брахманы, распевая песни, которые я знаю, и не накормят меня молоком, и не вынесут меня снова на свет, я – я – я, и никто другой, Страж Королевского Сокровища! Говорите, город мёртв, а здесь корни деревьев? Тогда спускайтесь и берите, что пожелаете. У земли нет сокровищ, подобных этим. Человек с языком змеи, если ты сможешь уйти живым так же, как и пришёл, младшие короли будут твоими слугами!

-Опять он за своё, – холодно сказал Маугли. – Может, какой-нибудь шакал закопался настолько глубоко и укусил этого огромного Белого Капюшона? Он точно бешеный. Отец Кобр, я не вижу ничего, что можно было бы забрать.

-Клянусь Богами Солнца и Луны, это у мальчишки смертельное бешенство! – прошипела кобра. – Пока ты не

закроешь глаза, я окажу тебе эту любезность. Смотри же, и увидишь то, что человек никогда раньше не видел!

-Тем в джунглях, кто говорит с Маугли о любезностях, приходится плохо, - сказал мальчик, сжав зубы, - но темнота, как я знаю, меняет всё. Я посмотрю, если это тебя обрадует.

Он оглядел хранилище сощуренными глазами, а потом поднял с пола горсть чего-то блестящего.

-Ого! - сказал он, - это похоже на штуки, с которыми играют в Человеческой Стае: только эти жёлтые, а те были коричневые.

Он отбросил золотые монеты и двинулся вперёд. Пол хранилища был покрыт слоем метра в полтора-два золотых и серебряных монет, разорвавших мешки, в которых их раньше хранили, а за долгие годы металл сжался и осел, как сжимается песок от тихой волны. На них, под ними и в них, словно обломки, видные в песке, были слоновые сёдла из резного серебра с драгоценными камнями, украшенные коваными золотыми пластинами, карбункулами и бирюзой. Там были паланкины и носилки для королей, обрамлённые и скреплённые серебром и эмалью, с нефритовыми рукоятками и янтарными колечками для занавесок; были золотые подсвечники, увешанные пробитыми изумрудами, которые дрожали на их ответвлениях; были украшенные полутораметровые изображения забытых богов, серебряные с драгоценными камнями вместо глаз; были кольчужные доспехи со слоем золота поверх стали, окаймлённые сгнившим и почерневшим мелким жемчугом; были шлемы, украшенные рубинами, похожими на голубиную кровь; были лакированные щиты из черепаших панцирей и шкур носорогов с выпирающими лентами из красного золота и изумрудами по краям; были штабеля мечей с алмазными рукоятками, кинжалов и охотничьих ножей; были золотые жертвенные чаши, ковши и переносные алтари такой формы, в которую не проникает дневной свет; были нефритовые кубки и браслеты; были золочёные кадила, гребешки и горшки для духов, хны и пудры для глаз; были бессчётные кольца в нос, браслеты на руки, обручи, кольца на пальцы и ремни; были пояса толщиной в семь пальцев из разрезанных алмазов и рубинов и деревянные ящики, трижды обитые

железом, древесина на которых осыпалась, показывая кучу необработанных звёздных сапфиров, опалов, кошачьих глаз, сапфиров, рубинов, алмазов, изумрудов и гранатов внутри.

Белая Кобра был прав. Никаких обычных денег не хватило бы, чтобы оплатить это сокровище, набранное за века войн, грабежей, торговли и налогообложения. Одни монеты были бесценны, не считая уже всех драгоценных камней; а вес только золота и серебра составлял, наверное, двести или триста тонн. В современной Индии каждый коренной правитель, как бы беден он ни был, имеет сокровищницу, в которую он всегда добавляет; и хотя изредка какой-нибудь просвещённый принц может отправить сорок или пятьдесят запряжённых волами телег серебра в обмен на защиту Правительства, в основном они держат свои сокровища и свои знания о них очень близко к себе.

Но Маугли, естественно, не понимал, что означают эти штуки. Его слегка заинтересовали ножи, но они были хуже сбалансированы, чем его собственный, так что он их отбросил. Наконец, он нашёл кое-что действительно потрясающее, лежавшее на слоновом седле, наполовину зарытое в монеты. Это был метровый анкус, или палка для слонов – похожий на маленький багор. На конце был один круглый сверкающий рубин, а под ним двадцать сантиметров рукоятки были украшены грубо обработанной бирюзой, отчего держать его было крайне приятно. Ещё ниже был ободок из нефрита с узором из цветов по кругу – только листьями были изумруды, а самими цветками – рубины, опущенные в прохладный зелёный камень. Остаток рукоятки был из чистой слоновой кости, а наконечник – шип и крюк – был из позолоченной стали с изображениями ловли слонов; и эти картины заинтересовали Маугли, который увидел, что они как-то связаны с его другом Хатхи Спокойным.

За ним по пятам следовал Белая Кобра.

-Разве ради этого не стоит умереть? – сказал он. – Разве я не оказал тебе большую услугу?

-Я не понимаю, - сказал Маугли. – Эти штуки жёсткие, холодные и совсем несъедобные. Но это... - он поднял анкус, - ...я желаю унести, чтобы посмотреть на него при свете

солнца. Ты говоришь, они все твои? Может, ты отдашь его мне, а я принесу тебе лягушек?

Белая Кобра сильно затрясся от злого восторга.

-Естественно, я его отдам, - сказал он. - Всё, что здесь, я отдам тебе - до тех пор, пока ты не уйдёшь.

-Но я уже ухожу. Это место тёмное и холодное, и я желаю взять эту шипованную штуку в джунгли.

-Посмотри себе под ноги! Что это там? - Маугли подобрал что-то белое и гладкое.

-Это кость из человеческой головы, - тихо сказал он. - А вот ещё две.

-Они пришли взять сокровище много лет назад. Я поговорил с ними во тьме, и они лежат неподвижно.

-Но что мне нужно из того, что называется сокровищем? Если ты позволишь мне унести анкус, это будет добрая охота. Если нет, это всё равно будет добрая охота. Я не дерусь с Ядовитым Народом, а ещё меня научили Главному Слову вашего племени.

-Здесь есть лишь одно Главное Слово. Моё!

Каа с горящими глазами бросился вперёд.

-Кто умолял меня привести Человека?

-Конечно, я, - прошепелявила старая кобра. - Я давно не видел Человека, а этот Человек говорит на нашем языке.

-Но о том, чтобы убивать, разговора не было. Как я могу вернуться в джунгли и сказать, что привёл его на смерть? - сказал Каа.

-Я не говорю об убийстве, пока не пришло время. А что касается того, вернёшься ты или нет, в стене есть дырка. Уймись же, толстый убийца обезьян! Я могу лишь коснуться твоей шеи, и джунгли больше не будут знать тебя. Ни один приходивший сюда Человек не уходил с дыханием под рёбрами. Я Страж Сокровищ Королевского Города!

-Говорю же тебе, белый червяк тьмы, ни короля, ни города нет! Над нами лишь джунгли! - крикнул Каа.

-Сокровище ещё есть. Но это может быть сделано. Подожди, Каа со скал, и посмотри, как мальчишка бегают. Здесь есть место для славной охоты. Жизнь хороша. Побегай взад-вперёд, мальчишка, и развлекись!

Маугли тихо положил руку на голову Каа.

-Эта белая тварь до сих пор имела дело с людьми из Человеческой Стаи. Он меня не знает, - прошептал он. - Он сам напросился на эту охоту. Сейчас устроим. - Маугли стоял, держа анкус остриём вниз. Он быстро отбросил его от себя, и тот опустился в пол прямо за капюшоном огромной змеи, пригвоздив её к полу. Каа стремительно навалился на извивавшееся тело, парализовав его от капюшона до хвоста. Красные глаза горели, а пятнадцать свободных сантиметров головы яростно бились влево-вправо.

-Убей! - сказал Каа, когда рука Маугли потянулась к ножу.

-Нет, - сказал он, вытаскивая клинок, - теперь я убиваю только ради пищи. Но смотри, Каа! - Он поймал змея за капюшон, лезвием ножа раскрыл ему рот и показал ужасные ядовитые клыки на верхней челюсти, чёрные и ослабевшие на десне. Белая Кобра, как и любая змея, пережил свой яд.

-ТХУ («Он высох» - в буквальном смысле «сгнивший пенёк»), - сказал Маугли; и, отодвинув Каа, он подобрал анкус, освободив Белую Кобру.

-Королевскому Сокровищу нужен новый страж, - мрачно сказал он. - Тху, ты не справился. Побегай взад-вперёд и развлекись, Тху!

-Я опозорен. Убейте меня! - прошипел Белая Кобра.

-Было уже слишком много разговоров об убийстве. Теперь мы уйдём. Я забираю эту шипованную штуку, Тху, потому что я сразился с тобой и победил.

-Тогда смотри, как бы эта штука в конце концов не убила тебя. Запомни, это Смерть! Этой штуки хватит, чтобы убить всех людей в моём городе. Недолго тебе её держать, Человек из Джунглей, как и тому, кто отберёт её у тебя. Ради неё они будут убивать, убивать и убивать! Моя сила иссохла, но мою работу сделает анкус. Это Смерть! Это Смерть! Это Смерть!

Маугли снова выбрался через дырку в проходе, и последним, что он видел, был Белая Кобра, яростно бивший своими безвредными клыками по бесстрастным золотым лицам богов, которые лежали на полу, и шипевший:

-Это Смерть!

Они были рады снова выбраться на дневной свет; и когда они вернулись в свои джунгли и Маугли заставил анкус сиять на утреннем свету, ему было почти так же приятно, как если бы он нашёл пучок новых цветов, чтобы воткнуть себе в волосы.

-Это ярче, чем глаза Багиры, - восторженно сказал он, вертя рубин. - Я покажу это ему; но что имел в виду Тху, когда говорил о смерти?

-Я не могу сказать. Я до кончика хвоста сожалею о том, что он не ощутил твоего ножа. В Холодных Логовах всегда есть зло - над землёй и под землёй. Но теперь я голоден. Поохотишься со мной сегодня на рассвете? - сказал Каа.

-Нет, Багира должен увидеть эту штуку. Доброй охоты! - Маугли ускакал, потрясая анкусом и время от времени останавливаясь им полюбоваться, пока не пришёл в ту часть джунглей, в которой Багира находился почти всегда, и не нашёл его пьющим после убийства крупной добычи. Маугли рассказал ему обо всех своих приключениях от начала до конца, и в перерывах Багира обнюхивал анкус. Когда Маугли дошёл до последних слов Белой Кобры, пантера одобрительно заурчала.

-Что означают слова, которые сказал Белый Капюшон? - быстро спросил Маугли.

-Я родился в королевских клетках Удипора и в глубине желудка кое-что знаю о Человеке. Очень многие люди убивали бы трижды в ночь ради одного этого большого красного камня.

-Но из-за камня её тяжело держать. Мой маленький яркий нож лучше, и - смотри! - красный камень несъедобен. Тогда ЗАЧЕМ им убивать?

-Маугли, иди-ка ты спать. Ты жил среди людей и...

-Я помню. Люди убивают не потому, что они охотятся, а ради развлечения и удовольствия. Проснись, Багира. Для чего была сделана эта штука с шипом на конце?

Багира наполовину открыл глаза – он был очень сонный – и злобно сверкнул ими.

-Её сделали люди, чтобы тыкать в головы сыновей Хатхи, чтобы текла кровь. Я видел такие на улицах Удипора перед нашими клетками. Эта штука вкусила кровь многих подобных Хатхи.

-Но зачем они тыкают в головы слонов?

-Чтобы научить их Человеческому Закону. Не имея ни когтей, ни зубов, люди делают эти штуки – и штуки ещё хуже.

-Даже когда я подхожу к вещам, которые сделала Человеческая Стая, всегда появляется кровь, - с отвращением сказал Маугли. Он начинал слегка уставать держать анкус. – Если бы я это знал, я бы не взял её. Сначала была кровь Мессуа на путях, а теперь кровь Хатхи. Больше я не буду её использовать. Смотри!

Анкус, сверкая, полетел и вошёл в землю лезвием вниз в двадцати семи метрах от них.

-Итак, мои руки очищены от Смерти, - сказал Маугли, вытирая руки свежей сырой землёй. – Тху сказал, что за мной последует Смерть. Он старый, белый и безумный.

-Белый или чёрный, смерть или жизнь, я иду спать, Маленький Брат. Я не могу охотиться всю ночь и быть весь день, как некоторые.

Багира ушёл в охотничье логово километрах в трёх оттуда, которое он знал. Маугли легко залез на удобное дерево, связал вместе три или четыре лианы и быстрее, чем мы об этом рассказываем, закачался в гамаке в пятнадцати метрах над землёй. Хотя он решительно не возражал против яркого дневного света, Маугли следовал привычкам своих друзей и пользовался им как можно меньше. Когда он проснулся среди очень голосистых народов, которые живут на деревьях, снова были сумерки, а снились ему красивые камешки, которые он выбросил.

-Я хоть посмотрю на эту штуку ещё раз, - сказал он и скользнул по лиане вниз на землю; но перед ним был Багира. Маугли слышал, как он фыркает в полутьме.

-Где шипованная штука? - крикнул Маугли.

-Её взял человек. Вот след.

-Теперь мы увидим, правду ли сказал Тху. Если острая штука - это Смерть, тот человек умрёт. Пошли за ним.

-Сначала кого-нибудь убьём, - сказал Багира. - Пустой желудок делает глаз беспечным. Люди ходят очень медленно, а джунгли достаточно мокрые, чтобы удерживать самый лёгкий след.

Они убили как можно быстрее, но прошло почти три часа до того, как они наелись, напились и вновь пошли по следу. Народ Джунглей знает, что спешку во время еды не возместит ничто.

-Думаешь, заострённая штука повернётся у человека в руке и убьёт его? - спросил Маугли. - Тху сказал, что это Смерть.

-Увидим, когда найдём, - сказал Багира, шагая с низко опущенной головой. - Это одиночный след (он имел в виду, что человек только один), а вес этой штуки вдавил его пятку глубоко в землю.

-Ай! Это ясно, как летний гром, - ответил Маугли; и они перешли на быстрый неровный шаг следопыта, проходя через полосы лунного света, следуя за отпечатками тех двух босых ног.

-Теперь он быстро бежит, - сказал Маугли. - Пальцы ног растопырены. - Они прошли немного по мокрой земле. - Так, а почему здесь он повернул вбок?

-Подожди! - сказал Багира и одним потрясающим прыжком бросился как можно дальше. Первое, что надо сделать, когда след перестаёт быть понятным - броситься вперёд, не оставляя на земле собственных следов, чтобы не путаться. Приземлившись, Багира повернулся лицом к Маугли, крича: - Здесь навстречу ему идёт ещё один след. Этот второй след меньше, а пальцы ног повёрнуты внутрь.

Тогда Маугли подбежал и посмотрел.

-Это след гондского охотника, - сказал он. – Смотри! Здесь он тащил по траве свой лук. Вот почему первый след так быстро повернул. Большая Нога спрятался от Маленькой Ноги.

-Это правда, - сказал Багира. – Теперь, чтобы не пересекать следов друг друга и не перепутать их, давай каждый пойдёт по своему следу. Я буду Большой Ногой, Маленький Брат, а ты будешь Маленькой Ногой, гондом.

Багира прыгнул обратно к первому следу, оставив Маугли, нагнувшегося над любопытным узким следом дикого маленького человека из лесов.

-Так, - сказал Багира, шаг за шагом двигаясь вдоль цепочки следов, - я, Большая Нога, поворачиваю здесь. Теперь я прячусь за скалой и стою спокойно, не смея шевельнуть ногой. Кричи свой след, Маленький Брат.

-Здесь сломаны один, два сучка и большая ветка, - сказал Маугли пониженным тоном. – Так, а как мне кричать ЭТО? А! Теперь ясно. Я, Маленькая Нога, ухожу, издавая шум и топот, чтобы Большая Нога меня слышал. – Он отошёл от скалы, шагая среди деревьев и повышая голос, пока подходил к маленькому водопаду. – Я-ухожу-далеко-туда-где-шум-падающей-воды-скрывает-мой-шум; и-здесь-я-жду. Кричи свой след, Багира, Большая Нога!

Пантера бросалась во все стороны, чтобы увидеть, как след Большой Ноги уходит из-за скалы. Тогда он произнёс:

-Я на коленях выхожу из-за скалы, таща шипованную штуку. Никого не увидев, я бегу, я, Большая Нога, бегу быстро. След ясен. Пусть каждый пойдёт по своему. Я побежал!

Багира бросился по чёткому следу, а Маугли пошёл по отпечаткам гонда. Какое-то время в джунглях была тишина.

-Где ты, Маленькая Нога? – крикнул Багира. Голос Маугли ответил ему меньше чем в пятнадцати метрах справа.

-Эм! – сказала пантера с низким кашлем. – Эти двое бегут рядом и сближаются!

Они мчались ещё восемьсот метров, всё время сохраняя одну и ту же дистанцию, пока Маугли, державший голову не так близко к земле, как Багира, не крикнул:

-Они встретились. Добрая охота – смотри! Здесь стоял Маленькая Нога, поставив колено на скалу – а вон там сам Большая Нога!

Меньше чем в трёх метрах от них, растянувшись на куче разбитых камней, лежало тело деревенского жителя того округа, грудь и спину которого пронзала длинная гондская стрела с маленькими перьями.

-Так ли стар и так ли безумен был Тху, Маленький Брат? – вежливо сказал Багира. – Вот, по крайней мере, одна смерть.

-Идём дальше. Где же красноглазый шип, пьющий слоновую кровь?

-Он у Маленькой Ноги – может быть. Теперь след снова одиночный.

Одиночный след лёгкого человека, который быстро бежал и нёс груз на левом плече, ровно тянулся на длинном участке сухой травы, где каждый след казался острым глазам следопытов отпечатанным на горячем железе.

Оба молчали, пока след не привёл их к пепелищу костра, спрятанному в ущелье.

-Опять! – сказал Багира, застыв так, как будто его превратили в камень.

Тело маленького морщинистого гонда лежало ногами в пепле, и Багира вопросительно посмотрел на Маугли.

-Это сделали бамбуком, - сказал мальчик, взглянув один раз. – Я использовал такую штуку у буйволов, когда служил в Человеческой Стае. Отец Кобр – я сожалею, что насмеялся над ним – хорошо знал эту породу, как мог бы знать и я. Не я ли говорил, что люди убивают от скуки?

-Вообще-то они убивали ради красных и синих камней, - ответил Багира. – Помни, я был в королевских клетках Удипора.

-Один, два, три, четыре следа, - сказал Маугли, нагибаясь над пеплом. – Четыре следа людей с обутыми ногами. Они ходят не так быстро, как гонды. И какое же зло им причинил маленький дровосек? Видишь, они вместе говорили, все пятеро, стоя, перед тем, как они его убили. Багира, давай

пойдём обратно. Мой желудок полон, и всё же он скачет вверх-вниз, как гнездо иволги на конце ветки.

-Оставлять впереди добычу – плохая охота. За мной! – сказала пантера. – Эти восемь обутых ног не ушли далеко.

Они стали разбирать следы четырёх людей с обутыми ногами и целый час молчали.

Теперь, в жаркий день, следы были чёткими, и Багира сказал:

-Я чую дым.

Люди всегда едят с большей готовностью, чем бегают, ответил Маугли, пробираясь через низкорослый кустарник новых джунглей, которые они исследовали. Багира чуть слева от него издал горлом неопиcуемый звук.

-Вот один, который перестал есть, - сказал он. Под кустом лежала сваленная куча яркой одежды, а вокруг неё была какая-то рассыпанная мука.

-Это снова сделали бамбуком, - сказал Маугли. – Видишь! Эта белая пыль – то, что едят люди. Они забрали добычу у этого – он нёс их еду – и отдали его на растерзание коршуну Ранну.

-Это третий, - сказал Багира.

-Я пойду к Отцу Кобр с новыми, большими лягушками и накормлю его до отвала, - сказал себе Маугли. – Слоновую кровь пила сама Смерть – но я всё равно не понимаю!

-За мной! – сказал Багира.

Они не прошли и восьмисот метров, когда услышали, как ворона Ко поёт похоронную песню на верхушке тамариска, под тенью которого лежали три человека. В центре круга дымился почти погасший огонь под железной тарелкой, на которой лежал почерневший и обгоревший каравай бездрожжевого хлеба. Поблизости от огня, сверкая на солнце, лежал анкус с рубином и бирюзой.

-Эта штука работает быстро; всё кончается здесь, - сказал Багира. – Как умерли ЭТИ, Маугли? Ни на одном нет ни царапины.

Жителю джунглей приходится на собственном опыте узнавать всё, что многие врачи знают о ядовитых растениях и

ягодах. Маугли принялся к дыму, который шёл от огня, отломил кусочек почерневшего хлеба, попробовал его и выплюнул.

-Яблоко Смерти, - кашлял он. - Должно быть, первый приготовил еду с ним для ЭТИХ, которые убили его после того, как сначала убили гонда.

-Вот уж точно добрая охота! Одна добыча за другой, - сказал Багира.

«Яблоком Смерти» в джунглях называют дурман обыкновенный, самый быстродействующий яд во всей Индии.

-Что теперь? - сказала пантера. - Может, нам с тобой тоже убить друг друга из-за того красноглазого убийцы?

-Неужели он умеет говорить? - сказал Маугли шёпотом. - Неужели я поступил неправильно, когда выбросил его? Нам двоим он ничего не может сделать, ведь мы не желаем того, что желают люди. Если его оставить здесь, он точно продолжит убивать людей одного за другим так же быстро, как падают орехи на сильном ветру. Я не люблю людей, но даже я не хотел бы, чтобы они умирали по шесть за одну ночь.

-Какая разница? Они всего лишь люди. Они убили друг друга и были довольны, - сказал Багира. - Тот первый маленький дровосек хорошо поохотился.

-Тем не менее они - детёныши; а детёныш готов утопиться, чтобы укусить лунный свет в воде. Виноват был я, - сказал Маугли, который говорил так, как будто знал всё и обо всём. - Я больше никогда не принесу в джунгли странных штук - даже если они будут красивы, как цветы. Это... - он осторожно поднял анкус, - ...вернётся к Отцу Кобр. Но сначала мы должны поспать, а рядом с этими спящими мы спать не можем. А ещё мы должны закопать ЕГО, чтобы он не убежал и не убил ещё шестерых. Выкопай мне яму под тем деревом.

-Но, Маленький Брат, - сказал Багира, выдвигаясь к тому месту, - я тебе говорю, это не вина пьющего кровь. Проблема лишь с людьми.

-Всё равно, - сказал Маугли. - Комай глубокую яму. Когда мы проснёмся, я его заберу и отнесу обратно.

Две ночи спустя, когда Белая Кобра, причитая, сидел в темноте хранилища, пристыжённый, ограбленный и одинокий, в дырку в стене влетел анкус с бирюзой и грохнулся на золотые монеты на полу.

-Отец Кобр, - сказал Маугли (он предусмотрительно держался другой стороны стены), - найди кого-нибудь молодого и сильного из своего племени, чтобы он помогал тебе охранять Королевские Сокровища, чтобы больше ни один человек не мог выбраться отсюда живым.

-А-га! Значит, он вернулся. Я говорил, что эта штука - Смерть. Как получилось, что ты ещё жив? - пробормотала старая кобра, с любовью закручиваясь вокруг рукоятки анкуса.

-Клянусь быком, который меня выкупил, я не знаю! Эта тварь за ночь убила шесть раз. Пусть он больше не выходит.

Глава четвёртая. Рыжий Пёс

Именно после впускания джунглей началась самая приятная часть жизни Маугли. У него была совесть, которая приходит с оплатой долгов; все джунгли были его другом и только чуть-

чуть его боялись. Из того, что он делал, видел и слышал, бродя от одного народа к другому с четырьмя своими компаньонами или без, получилось бы много-много историй, каждая не короче этой. Поэтому вам никогда не расскажут, как он познакомился с Бешеным Слоном из Мандлы, который убил двадцать два буйвола, тащивших одиннадцать телег с серебряными монетами в Сокровищницу Правительства, и разметал блестящие рупии в пыли; как он дрался с крокодилом Джакалой целую длинную ночь в Болотах Севера и сломал свой нож для снятия шкур о спинные пластины этого грубияна; как он нашёл новый, более длинный нож на шее человека, которого убил дикий кабан, и как он выследил того кабана и убил его в качестве честной платы за нож; как однажды во время Великого Голода его застало врасплох переселение оленей и повернувшие разгорячённые стада чуть не затоптали его насмерть; как он не дал Хатхи Спокойному вновь попасть в яму с колом на дне, и как на следующий день сам упал в очень хитрую ловушку для леопардов, и как Хатхи разнёс на куски толстую деревянную решётку над ним; как он доил диких буйволов в болоте и как...

Но мы должны рассказывать по одной истории за раз. Отец-Волк и Мать-Волчица умерли, и Маугли подкатил большой валун ко входу в их пещеру и прокричал над ними Похоронную Песню; Балу стал очень старым и неуклюжим, и даже Багира с его стальными нервами и железными мышцами убивал чуть медленнее, чем раньше. Серый Акела от старости стал молочно-белым; у него выпирали рёбра, и он ходил так, как будто сделан из дерева, и Маугли убивал для него. Но молодые волки, дети распавшейся стаи Сиони, росли и размножались, и когда их стало около сорока – голосистых пятилеток с чистыми лапами и без хозяина – Акела сказал им, что им следует собраться вместе, и следовать Закону, и бегать с одним вожаком, как подобает Свободному Народу.

Это был не тот вопрос, который интересовал Маугли, ведь, как он сказал, он уже ел кислый фрукт и знал, на каком дереве тот висит; но когда Фао, сын Фаоны (его отец был Серым Следопытом в дни руководства Акелы), в соответствии с Законом Джунглей в бою заслужил место вожака и под звёздами вновь зазвучали старые кличи и песни, Маугли по

старой памяти пришёл к Скале Совета. Когда он решил заговорить, Стая подождала, когда он закончит, и он сел рядом с Акелой на скале над Фао. То были дни доброй охоты и доброго сна. Ни один незнакомец не вторгнулся в джунгли, которые принадлежали Маугли и его народу, который называют Стаей, а молодые волки стали тяжёлыми и сильными, а на Смотри приводили многих детёнышей. Маугли всегда посещал Смотри, помня о ночи, когда Чёрная Пантера выкупил перед стаей голого коричневого младенца, и от долгого крика «Смотрите, смотрите лучше, о Волки» у него трепетало сердце. В остальное время он был далеко в джунглях со своими четырьмя братьями, пробовал, трогал, видел и чувствовал новые вещи.

Однажды в сумерки, когда он неторопливо шагал по джунглям, чтобы отдать Акеле половину оленя, которого он убил, а за ним бежала Четвёрка, о чём-то споря друг с другом и тыкаясь друг в друга от радости, что они живы, он услышал крик, который не слышали с дурных дней Шерхана. Это было то, что в джунглях называют «феал», отвратительный визг, который издаёт шакал, когда он охотится за спиной тигра или когда впереди большая добыча. Если вы можете представить себе смесь ненависти, торжества, страха и отчаяния, пронизанную неким вожделением, вы получите некоторое представление о феале, который поднялся, затих и разнёсся эхом по Вайнгунге. Четвёрка сразу остановилась, ошетилившись и зарывчав. Рука Маугли метнулась к ножу, и он остановился, покраснев и наморщив брови.

-Ни один Полосатый не смеет убивать здесь, - сказал он.

-Это не крик Вестника, - ответил Серый Брат. - Это какая-то большая добыча. Слушай!

Снова раздалась смесь всхлипа и хохота, как будто у шакала были мягкие человеческие губы. Потом Маугли сделал глубокий вдох и побежал на Скалу Совета, догоняя по пути спешивших волков Стаи. Фао и Акела были на скале вместе, а под ними сидели остальные, напрягшие все нервы. Матери и волчата бежали к своим логовам; ведь когда раздаётся феал, слабым не время гулять.

Они ничего не слышали, кроме шума и журчания Вайнгунги в темноте, а также лёгких вечерних ветерков среди верхушек

деревьев, пока вдруг за рекой не крикнул волк. Волк был не из этой Стаи, ведь они все были у Скалы. Тон сменился на долгий отчаянный вой.

-Красный волк! – сказал он. – Красный волк! Красный волк! Красный волк!

Они услышали усталые шаги по скалам, и в круг бросился и, хрипя, лёг у ног Маугли костлявый волк с красными полосами на боках, сломанной правой передней лапой и с белыми от пены челюстями.

-Доброй охоты! Кто твой вожак? – мрачно сказал Фао.

-Доброй охоты! Вонтолла я, – был ответ. Он имел в виду, что он волк-одиночка, защищающий себя, свою жену и своих детей в каком-то одиноком логове, как и многие волки на юге. «Вонтолла» означает «Посторонний» – тот, кто не состоит ни в чьей Стане. Затем он начал тяжело дышать, и они увидели, как удары его сердца встряхивают его.

-Кто идёт? – сказал Фао, потому что этот вопрос задают все в джунглях, услышав феал.

-Красный волк, красный волк Деккана – Рыжий Пёс, Убийца! Они идут с севера на юг, говоря, что Деккан пуст, и убивая всех на своём пути. Когда эта луна была новой, у меня было четверо – моя жена и три волчонка. Она учила их убивать на травянистых равнинах, прятаться, загоняя оленя, как делаем мы, живущие на открытой местности. В полночь я услышал их вместе, взявших след. В рассветном ветру я нашёл их в траве неподвижными – четверых, Свободный Народ, четверых, когда луна была новой. Тогда я использовал своё Кровное Право и нашёл красных волков.

-Сколько? – быстро сказал Маугли; Стая низко зарычала.

-Я не знаю. Трое из них больше не будут убивать, но остальные загнали меня, как оленя; они гнали меня на моих трёх ногах. Смотрите, Свободный Народ!

Он вытянул свою изуродованную переднюю ногу, тёмную от высохшей крови. Внизу на его боку были следы жестоких укусов, а горло у него было порвано и дёргалось.

-Ешь, - сказал Акела, вставая и отходя от мяса, которое ему принёс Маугли, и Посторонний набросился на него.

-Это не станет потерей, - скромно сказал он, когда немного утолил голод. – Дайте мне немного силы, Свободный Народ, и я тоже буду убивать. Моё логово, которое было полным, когда луна была новой, пусто, а Кровавый Долг выплачен не весь.

Фао услышал, как его зубы разгрызают тазовую кость, и одобрительно рыкнул.

-Нам понадобятся эти челюсти, - сказал он. – С красными волками были детёныши?

-Нет, нет. Лишь Рыжие Охотники: взрослые псы их Стаи, тяжёлые и сильные, те, что едят ящериц в Деккане.

То, что сказал Вонтолла, означало, что красные волки, рыжие хищные псы Деккана, идут убивать, а в Стае хорошо знали, что красному волку уступит свежую добычу даже тигр. Они несутся через все джунгли, и то, что они встречают, они валят с ног и рвут на кусочки. Хотя они не так велики и даже не наполовину так хитры, как обычный волк, они очень сильны и очень многочисленны. Красные волки, к примеру, не назовут себя стаяей, пока их не будет сто; в то время как вполне достойная стая состоит из сорока волков. Прогулки Маугли заводили его на край высоких травянистых равнин Деккана, и он видел, как бесстрашные красные волки спят, и играют, и чешутся в маленьких норках и траве, которые используют вместо логов. Он их презирал и ненавидел, потому что они не пахли, как Свободный Народ, потому что они не жили в пещерах, а главное – потому что у них была шерсть между пальцами, а у него и его друзей ноги были чистые. Но он знал, потому что ему рассказал Хатхи, какая ужасная вещь – охотничья стая красных волков. Даже Хатхи сторонится их, и пока их не убьют или не кончится добыча, они будут идти вперёд.

Акела тоже знал кое-что о красных волках, потому что он тихо сказал Маугли:

-Лучше умереть в Полной Стае, чем одному и без вожака. Это добрая охота – и моя последняя. Но у тебя, как у всех людей, осталось гораздо больше дней и ночей, Маленький Брат. Иди

на север и ложись, и если после того, как красные волки уйдут, кто-нибудь выживет, он принесёт тебе весть о битве.

-Эх, - сказал Маугли очень серьёзно, - мне что, идти в болота, ловить мелкую рыбу и спать на дереве, или, может, мне колоть орехи и просить о помощи Бандар-логов, пока Стая сражается внизу?

-Это насмерть, - сказал Акела. - Ты ещё не встречал красного волка - Рыжего Убийцу. Даже Полосатый...

-Увы! Увы! - ласково сказал Маугли. - Одну полосатую обезьяну я уже убил, и я до глубины желудка уверен, что Шерхан оставил бы себе подобного на мясо красным волкам, если бы сам мог обойти их стаю за три ареала. Теперь слушай: волк стал мне отцом, а волчица стала мне матерью, а один старый серый волк (не слишком точно: он теперь белый) стал мне и отцом, и матерью. Поэтому я... - он повысил голос, - я говорю, что когда красные волки придут - если красные волки придут - на эту охоту Маугли и Свободный Народ будут в одной шкуре; и я говорю, клянусь быком, который меня выкупил - быком, которым Багира заплатил за меня в старые дни, которых вы в Стае не помните - я говорю, чтобы деревья и река слышали и напомнили, если я забуду; я говорю, что этот мой нож станет зубом в Стае - и я не думаю, что он такой уж тупой. Вот моё Слово, которое пошло от меня.

-Ты не знаешь красных волков, человек с волчьим языком, - сказал Вонтолла. - Я хочу лишь выплатить им Кровавый Долг до того, как меня разорвут на кусочки. Они двигаются медленно, убивают всех по дороге, но через два дня ко мне вернётся часть силы, и я снова пойду за Кровавым Долгом. Но ВАМ, Свободный Народ, я говорю, чтобы вы ушли на север и какое-то время ели меньше, пока красные волки не уйдут. В этой охоте мяса не будет.

-Услышьте Постороннего! - сказал Маугли, смеясь. - Свободный Народ, мы должны уйти на север и выкапывать ящериц и крыс на берегу, чтобы случайно не встретить красного волка. Он должен убивать на территории нашей охоты, пока мы лежим, спрятавшись на севере, пока он не соизволит снова отдать нам наше. Он пёс - и щенок пса - рыжий, желтопузый, без логова и с волосами между пальцами! У него в приплоде по шесть-восемь детёнышей,

как будто он Чикай, маленькая скачущая крыса. Конечно, мы должны убежать, Свободный Народ, и умолять народы севера оставить нам потроха мёртвого скота! Вы знаете поговорку: «На севере – вредители; на юге – вши. У НАС – джунгли.» Выбирайте же, выбирайте. Это добрая охота! Ради Стаи – ради Полной Стаи – ради логова и приплода; ради убийства внутри и снаружи; ради друга, который загоняет лань, и маленького-маленького волчонка в пещере; встретим их! Встретим их! Встретим их!

Стая ответила единым низким рыком, который прозвучал в ночи, как треск большого упавшего дерева. «Встретим их!» - кричали они.

-Останьтесь с ними, - сказал Маугли Четвёрке. - Нам понадобится каждый зуб. Фао и Акела должны сделать приготовления к битве. Я пойду считать псов.

-Это смерть! – закричал Вонтолла, наполовину вставая. - Что такой безволосый может сделать против Рыжего Пса? Вспомни, даже Полосатый...

-Ты и правда Посторонний, - крикнул в ответ Маугли, - но мы поговорим, когда красные волки будут мертвы. Всем доброй охоты!

Он поспешил в темноту, сходя с ума от волнения, почти не смотря под ноги, и, что было вполне естественно, споткнулся об огромные кольца Каа там, где питон лежал, наблюдая за оленьей тропой возле реки.

-Кшшша! – сердито сказал Каа. - Разве в джунглях принято стучать, наступать и портить ночную охоту – да ещё и когда добыча так хорошо двигается?

-Я виноват, - сказал Маугли, вставая. - Вообще-то я искал тебя, Плоскоголовый, но каждый раз при нашей встрече ты становишься на ладонь длиннее и шире. В джунглях нет подобного тебе, мудрый, старый, сильный и самый красивый Каа.

-А куда же ведёт ЭТОТ след? – Голос Каа стал мягче. - Меньше луны назад Человечек с ножом бросал камни мне в голову и называл меня плохими кошачьими кличками, потому что я лежал на дороге и спал.

-Да, и разворачивал куда попало всех загоняемых оленей, а Маугли охотился, а этот самый Плоскоголовый был слишком глух, чтобы услышать свист и освободить оленям дорогу, - сдержанно ответил Маугли, садясь среди ярких колец.

-А теперь этот самый Маугли приходит к тому же Плоскоголовому с тихими приятными словами, говорит ему, что он мудрый, сильный и красивый, и поэтому этот самый старый Плоскоголовый верит и даёт место этому самому бросающему камни Человечку, и - теперь тебе удобно? Мог бы Багира дать тебе такое хорошее место для отдыха?

Каа, как обычно, под весом Маугли сделал из себя какой-то мягкий полугамак. Парень протянул руку в темноте и подбирал похожую на гибкий кабель шею до тех пор, пока голова Каа не легла ему на плечо, и тогда он рассказал ему про всё, что случилось в джунглях той ночью.

-Может, я и мудрый, - сказал Каа в конце, - но я уж точно глухой. Иначе бы мне стоило услышать феал. Неудивительно, что Пожирателям Травы не по себе. Сколько красных волков?

-Я ещё не видел. Я бежал к тебе, как на пожар. Ты старше, чем Хатхи. Но, Каа, - тут Маугли передёрнулся от несказанной радости, - это будет добрая охота. Немногие из нас снова увидят луну.

-А ТЫ будешь бить? Помни, что ты Человек; и помни, что Стая прогнала тебя. Пусть про Пса думает Волк. ТЫ - Человек.

-Где в прошлом году были орехи, в этом году - чернозём, - сказал Маугли. - То, что я Человек - правда, но я желудком чувствую, что этой ночью я сказал, что я Волк. Я призвал Реку и Деревья запомнить. Я в Свободном Народе, Каа, пока не пройдут красные волки.

-Свободный народ, - проворчал Каа. - Свободные воры! И ты связал себя мёртвым узлом ради воспоминаний о мёртвых волках? Это не добрая охота.

-Это моё Слово, которое я сказал. Деревья знают, Река знает. Пока не пройдут красные волки, моё Слово не вернётся ко мне.

-Нгшшш! Это меняет все следы. Я думал взять тебя с собой к северным болотам, но Слово – даже Слово маленького, голого, безволосого Человечка – есть Слово. Теперь я, Каа, говорю...

-Подумай хорошо, Плоскоголовый, а то тоже свяжешь себя мёртвым узлом. От тебя мне не нужно Слова, ведь я хорошо знаю...

-Тогда пусть так и будет, - сказал Каа. – Я не дам Слова; но при чём тут твой желудок, когда придут красные волки?

-Они должны переплыть Вайнгунгу. Я думал встретить их ножом на мелководье впереди всей Стаи; ударяя и пронзая, мы, возможно, повернём их назад или охладим их глотки.

-Красные волки не поворачивают назад, а их глотки горячи, - сказал Каа. – После этой охоты не останется ни Человечка, ни Волчонка, а лишь сухие кости.

-Всё! Если мы умрём, мы умрём. Это будет самая добрая охота. Но мой желудок молод, и я видел немного дождей. Я не мудр и не силен. У тебя есть план получше, Каа?

-Я видел сто и ещё сто дождей. Мой след в пыли был замечен ещё до того, как Хатхи сбросил молочные бивни. Клянусь Первым Яйцом, я старше многих деревьев, и я видел всё, что делали джунгли.

-Но ЭТО новая охота, - сказал Маугли. – Раньше красные волки не переходили нам дорогу.

-Что есть, то уже было. Что будет, то не более чем повторение забытого года. Сиди спокойно, пока я считаю свои годы.

Долгий час Маугли лежал среди колец, пока Каа, положив неподвижную голову на землю, думал обо всём, что он увидел и узнал с того дня, как вылупился из яйца. Казалось, что свет в его глазах потух, оставив их похожими на старые опалы, и он то и дело делал головой короткие неуклюжие движения влево-вправо, как будто охотился во сне. Маугли тихо задремал, ведь он знал, что перед охотой нет ничего лучше сна, а его научили засыпать в любое время дня и ночи.

Потом он почувствовал, как спина Каа под ним становится больше и шире, потому что огромный питон надувался, шипя со звуком меча, доставаемого из стальных ножен.

-Я видел все мёртвые сезоны, - сказал наконец Каа, - и огромные деревья, и старых слонов, и скалы, которые стали голыми и заострёнными до того, как вырос мох. Ты ещё жив, Человечек?

-Только что зашла луна, - сказал Маугли. - Я не понимаю...

-Хшшш! Я снова Каа. Я знаю, что прошло немного времени. Теперь мы отправимся к реке, и я тебе покажу, что нужно сделать против красных волков.

Он повернул, прямой, как стрела, в главное русло Вайнгунги, нырнув к самой глубине, где скрывалась Скала Мира, Маугли - за ним.

-Нет, не плыви. Я быстрее. На мою спину, Маленький Брат.

Маугли обхватил левой рукой шею Каа, правую прижал к своему телу и выпрямил ноги. Тогда Каа поплыл против течения, как умел только он, и вокруг шеи Маугли пошёл круг неровной воды, а его ноги болтались туда-сюда в вихре под бившимися боками питона.

Километра через два-три вверх от Скалы Мира Вайнгунга сужается в ущелье между твёрдыми, как мрамор, камнями высотой от двадцати четырёх до тридцати метров, и поток бежит через эти страшные камни, как на плотине. Но Маугли не забивал себе голову этой водой; в мире было мало такой воды, которая могла бы на мгновение испугать его. Он смотрел на обе стороны ущелья и беспокойно фыркал, потому что в воздухе был сладковато-кисловатый запах, очень похожий на запах большого муравейника в жаркий день. Он инстинктивно опустил в воду, поднимая голову только время от времени для того, чтобы подышать, и Каа остановился, дважды обернувшись хвостом вокруг подводного камня, держа Маугли на кольце, пока мимо неслась вода.

-Это Место Смерти, - сказал парень. - Зачем мы сюда приплыли?

-Они спят, - сказал Каа. - Хатхи не уступит дорогу Полосатому. Но Хатхи и Полосатый вместе уступят дорогу красным волкам, а красные волки, говорят, не уступят дорогу никому. Но всё же кому уступит дорогу Маленький Народ Скал? Скажи мне, Хозяин Джунглей, кто Хозяин Джунглей?

-Они, - прошептал Маугли. - Это Место Смерти. Давай уйдём.

-Нет, смотри лучше, ведь они спят. Так же было, когда я был короче твоей руки.

Разбитые и обветренные камни ущелья Вайнгунги с самого начала джунглей использовал Маленький Народ Скал - суетливые, яростные, дикие чёрные пчёлы Индии; и, как Маугли хорошо знал, это ущелье все обходят за восемьсот метров. Веками Маленький Народ размножался и роился от ущелья к ущелью, и снова роился, замазывая белые камни чёрственным мёдом, и строил высокие соты в тёмной глубине внутренних пещер, где их не трогал ни человек, ни зверь, ни огонь, ни вода. С ущелья на обеих сторонах свисало что-то похожее на чёрные мерцающие бархатные занавески, и Маугли, посмотрев туда, опустил в воду, ведь это были столпившиеся миллионы спавших пчёл. Были и другие кучи, и гирлянды, и нечто похожее на сгнившие древесные стволы, прибитые к скалам, старые соты прошлых лет и новые города, построенные в тени безветренного ущелья, а огромные массы пористого гнилого мусора скатывались и застревали среди деревьев и лиан, которые росли близко от скалы. Прислушавшись, он не один раз услышал, как в тёмных галереях с шорохом скользят, переворачиваясь или падая, соты с мёдом; затем - громкое жужжание сердитых крыльев и печальное капанье испорченного мёда, который стекал до тех пор, пока не падал с какого-нибудь обрыва и не просачивался на сучья. На одном берегу реки был крошечный пляж шириной меньше полутора метров, и он был весь завален мусором бессчётных лет. Здесь были мёртвые пчёлы, трутни, помёт, и чёрствые соты, и крылья мотыльков, которые пытались отобрать мёд, сваленные в гладкие кучки мельчайшей чёрной пыли. Её резкого запаха уже было достаточно, чтобы напугать любого, кто не имел крыльев и знал, что такое Маленький Народ.

Каа снова поплыл вверх по течению, пока не достиг песчаной косы в начале ущелья.

-Вот добыча этого сезона, - сказал он. - Смотри! - На берегу лежали скелеты пары молодых оленей и буйвола. Маугли видел, что ни волк, ни шакал не касались этих костей, которые лежали естественным образом.

-Они нарушили границу; они не знали Закона, - прошептал Маугли, - и Маленький Народ их убил. Давай уйдём, пока они не проснулись.

-Они не просыпаются до рассвета, - сказал Каа. - Теперь я расскажу тебе. Много-много лун назад сюда прибежал с юга загнанный олень, не знавший джунглей, преследуемый Стаей. Ослеплённый страхом, он бросился со скалы, Стая побежала следом, потому что путь разгорячил и ослепил их. Солнце было высоко, а Маленький Народ был многочисленным и очень сердитым. В Стае тоже было много таких, кто бросился в Вайнгунгу, но они умерли ещё до того, как коснулись воды. Те, кто не бросился, тоже умерли на скалахверху. Но олень выжил.

-Как?

-Потому что он прибежал первым, со всех ног, бросился до того, как Маленький Народ понял, и был уже в реке, когда они собрались убивать. Стая, следуя за ним, целиком пропала под весом Маленького Народа.

-Олень выжил? - медленно повторил Маугли.

-По крайней мере, он не умер ТОГДА, хотя его спуска не ждал кто-то с сильным телом, чтобы надёжно удержать его в воде, как один толстый старый жёлтый Плоскоголовый будет ждать Человечка - ага, хотя по его следу будут идти все красные волки Деккана. Что чувствует твой желудок? - Голова Каа была близко от уха Маугли; и парень немного подождал, прежде чем ответить.

-Мы дёргаем за усы саму Смерть, но - Каа, ты и правда самый мудрый во всех джунглях.

-Так говорили многие. Теперь смотри, если красные волки пойдут за тобой...

-Ну конечно, они пойдут. Хо-хо! У меня под языком много колючек, чтобы вонзить в их шкуры.

-Если они пойдут за тобой, разгорячённые и ослеплённые, глядя только на твои плечи, те, кто не умрёт наверху, попадут в воду или здесь, или внизу, потому что Маленький Народ поднимется и накроет их. Сейчас Вайнгунга – голодный поток, а их не будет держать Каа, они поплывут вниз, живые, к отмелям Логов Сиони, и там твоя Стая сможет взять их за горло.

-Ах ты! Ух ты! Лучше этого могут быть только дожди в сухой сезон. Теперь небольшой вопрос только в том, чтобы прибежать и спрыгнуть. Я сделаю так, чтобы красные волки обо мне узнали, так что они пойдут прямо за мной.

-Ты видел скалы наверху? Со стороны берега?

-Вообще-то нет. Это я забыл.

-Иди посмотри. Там везде сгнившая земля, изрезанная и полная дырок. Одна из твоих неуклюжих ног, поставленная вслепую, закончит охоту. Слушай, я оставлю тебя здесь и только ради тебя понесу Стае весть, что они могут знать, где искать красных волков. Сам я не имею дел НИ С КАКИМИ волками.

Когда Каа кто-то не нравился, он мог быть неприятнее, чем кто-либо ещё из Народа Джунглей, кроме, возможно, Багиры. Он поплыл вниз по течению и напротив Скалы наткнулся на Фао и Акелу, слушавших ночные шумы.

-Хшшш! Псы, - весело сказал он. – Красные волки придут по течению. Если вы не боитесь, можете убивать их на мелководе.

-Когда они придут? – сказал Фао.

-А где мой Человеческий детёныш? – сказал Акела.

-Когда придут, тогда и придут, - сказал Каа. – Увидишь. Что касается ТВОЕГО Человеческого детёныша, с которого ты взял слово и так бросил его Смерти, ТВОЙ Человеческий детёныш со МНОЙ, и если он ещё не умер, ты не виноват, побелевший пёс! Жди красных волков здесь и радуйся, что Человеческий детёныш и я бьём на твоей стороне.

Каа вновь рванул вверх по течению и остановился в середине ущелья, глядя вверх, на линию утёса. Сейчас он видел, как на фоне звёзд двигается голова Маугли, а потом в воздухе раздался свист, тело ногами вперёд шлёпнулось в воду, а в следующую минуту парень снова отдышал на кольцо тела Каа.

-Тоже мне прыжок, - тихо сказал Маугли. - Я прыгал вдвое дальше для развлечения; но там, наверху, злое место - низкие кусты и слишком глубокие овраги, где полно Маленького Народа. Я положил большие камни один на другой рядом с тремя оврагами. Их я на бегу сброшу вниз ногами, и Маленький Народ поднимется за моей спиной, очень рассерженный.

-Вот слова Человека и хитрость Человека, - сказал Каа. - Ты мудр, но Маленький Народ вечно голоден.

-Не, в сумерки все крылья, близкие и далёкие, какое-то время отдыхают. Я буду играть с красным волком в сумерки, потому что красный волк лучше всего охотится днём. Он сейчас идёт по кровавому следу Вонтоллы.

-Ранн не оставляет мёртвого быка, а красный волк - кровавого следа, - сказал Каа.

-Тогда я ему сделаю новый кровавый след, если смогу - то из его собственной крови, и угощу его грязью. Ты останешься здесь, Каа, пока я не вернусь с красными волками?

-Да, но что, если они убьют тебя в джунглях или Маленький Народ убьёт тебя раньше, чем ты сможешь спрыгнуть в реку?

-Убивать назавтра будем, когда придёт завтра, - сказал Маугли, процитировав поговорку джунглей, и продолжил: - Когда я умру, время петь Похоронную Песню. Доброй охоты, Каа!

Он убрал руку с шеи питона и поплыл по ущелью, как бревно в половодье, гребя к дальнему берегу, где он нашёл заводь, и громко смеясь от огромной радости. Больше всего Маугли нравилось, как он сам говорил, «дёрнуть Смерть за усы» и дать джунглям знать, что он их повелитель. Часто он с помощью Балу грабил пчелиные гнёзда на отдельных деревьях и знал, что Маленький Народ ненавидит запах дикого чеснока. Так что он набрал его небольшой пучок,

перевязал его лентой из коры, а потом пошёл по кровавому следу Вонтоллы, который шёл к югу от Логов километров восемь, глядя на деревья, склонив голову и хихикая.

-Маугли Лягушкой я был, - сказал он себе, - Маугли Волком я себя объявил. Теперь Маугли Обезьяной должен я быть, а потом – Маугли Оленем. В конце концов я буду Маугли Человеком. Хо! – И он провёл большим пальцем по полуметровому лезвию своего ножа.

След Вонтоллы, отмеченный тёмными пятнами крови, шёл по лесу из толстых деревьев, которые росли близко друг к другу и тянулись прочь, на северо-восток, постепенно становясь всё тоньше и тоньше на протяжении трёх километров от Пчелиных Скал. С последнего дерева до низкой поросли Пчелиных Скал была открытая местность, где волк едва ли мог бы укрыться. Маугли торопливо шёл под деревьями, оценивая расстояния от ветки до ветки, иногда забираясь по стволу и делая пробный прыжок с одного дерева на другое, пока не дошёл до открытой местности, которую час очень внимательно изучал. Потом он повернул, взял след Вонтоллы там, где его оставил, расположился на дереве с длиннющей веткой в двух с половиной метрах над землёй и сидел тихо, натачивая нож о свою ступню и напевая себе под нос.

Чуть раньше полудня, когда солнце было очень тёплым, он слышал шуршание ног и учуял омерзительный запах стаи красных волков, безжалостно шедших по следу Вонтоллы. Сверху красный волк выглядит вполтину не таким большим, как обычный, но Маугли знал, как сильны его ноги и челюсти. Он посмотрел на острую каштановую голову вожака, уткнувшуюся в след, и пожелал ему «доброй охоты».

Зверь поднял голову, и за его спиной остановились его компаньоны, множество рыжих псов с низко свешенными хвостами, тяжёлыми плечами, хилыми задами и окровавленными ртами. Красные волки, как правило, очень тихий народ, а манер у них нет даже в их собственных джунглях. Должно быть, под ним собралось целых двести, но он видел, что передние жадно принохиваются к следу Вонтоллы и пытаются тащить за собой Стаю. Это Маугли не устраивало, иначе бы они пришли к Логовам среди бела дня, а он хотел удержать их под этим деревом до сумерек.

-По чьей воле вы сюда пришли? – сказал Маугли.

-Все джунгли – наши джунгли, – последовал ответ, и давший его красный волк оскалил свои белые зубы. Маугли с улыбкой посмотрел вниз и в точности повторил резкий трёп Чикая, скачущей крысы Деккана, чтобы красные волки поняли, что он считает, что они не лучше Чикая. Стая окружила древесный ствол, и вожак дико залаял, обзывая Маугли древесной обезьяной. В ответ Маугли вытянул вниз одну босую ногу и повилял голыми пальцами прямо над головой вожака. Этого было более чем достаточно, чтобы пробудить у Стаи тупую ярость. Те, у кого между пальцами ног волосы, не терпят, когда им об этом напоминают. Когда вожак прыгнул, Маугли отдернул ногу и ровно сказал:

-Пёс, рыжий пёс! Возвращайся в Деккан и жри ящериц. Иди к Чикаю, своему брату – пёс, пёс – рыжий, рыжий пёс! После каждого пальца волосы! – Он во второй раз повертел пальцами ноги.

-Спускайся, пока мы не взяли тебя измором, безволосая обезьяна! – заорала Стая, а Маугли только этого и хотел. Он улёгся на ветку, приложив щеку к коре и освободив правую руку, и тут он рассказал их Стае всё, что он о них думал и знал, об их манерах, их привычках, их самках и их щенках. В мире нет более злобной и жалящей речи, чем язык, которым Народ Джунглей выражает презрение и неуважение. Если вы об этом задумаетесь, то поймёте, почему так должно быть. Как Маугли сказал Каа, у него под языком было много колючек, и он медленно и неторопливо доводил красных волков от тишины до рычания, от рычания до воплей, а от воплей – до невольного хриплого бреда. Они пытались отвечать на его насмешки, но с таким же успехом детёныш мог бы ответить разъярённому Каа; и всё это время правая рука Маугли лежала, согнутая, рядом с ним, готовая к действию, а ноги обхватили ветку. Большой каштановый вожак много раз подпрыгивал, но Маугли не рискнул его ударить. Наконец, разозлённый сверх своей естественной силы, он подскочил вверх на два с половиной метра. Тогда рука Маугли рванулась, как голова древесной змеи, и схватила его за загривок, и ветка сильно затряслась, когда он пошёл вниз, чуть не утащив своим весом Маугли. Но он так и не ослабил хватку и сантиметр за сантиметром затягивал на

ветку зверя, висевшего, как утонувший шакал. Левой рукой он потянулся к ножу и отрезал красный пушистый хвост, швырнув красного волка обратно на землю. Только это ему и было нужно. Теперь Стая не пойдёт дальше по следу Вонтоллы, пока не убьёт Маугли или Маугли не убьёт её. Он увидел, как они расселись кругами, подёргивая задними частями, что означало, что они останутся, так что он забрался на разветвление повыше, удобно пристроил свою спину и заснул.

Часа через три-четыре он проснулся и пересчитал Стаю. Там были все, тихие, здоровые и сухие, со стальными глазами. Солнце начинало заходить. Через полчаса Маленький Народ Скал закончит свои труды, а красный волк, как вы знаете, в сумерки дерётся не так хорошо.

-Мне не нужны такие верные наблюдатели, - вежливо сказал он, встав на ветке, - но я это запомню. Вы и правда красные волки, но, на мой взгляд, вас многовато. По этой причине я не верну большому пожирателю ящериц его хвост. Ты недоволен, Рыжий Пёс?

-Я лично вырву твой желудок! – заорал вожак, царапая дерево снизу.

-А ты подумай, мудрая крыса Деккана. Теперь будет много куч маленьких бесхвостых рыжих псов, ага, с сырыми рыжими обрубками, которые колются, когда песок горячий. Иди домой, Рыжий Пёс, и кричи, что это сделала обезьяна. Ты не пойдёшь? Тогда пойдём со мной, и я сделаю тебя очень мудрым!

Он переместился, как Бандар-лог, на следующее дерево, а потом – на следующее, и на следующее, Стая, подняв голодные головы – за ним. То и дело он притворялся, что падает, и в Стае спотыкались друг о друга в спешке навстречу смерти. Это было любопытное зрелище – парень с ножом, сиявшим на низком солнце, мелькавший в верхних ветках, и тихая Стая с горящими рыжими шкурами, столпившаяся и шедшая за ним снизу. Дойдя до последнего дерева, он взял чеснок и тщательно им натёрся, и красные волки презрительно взвыли.

-Обезьяна с волчьим языком, ты думаешь сбить свой запах? – сказали они. – Мы идём до смерти.

-Забирай свой хвост, - сказал Маугли, швырнув его обратно вдоль проделанного пути. Стая инстинктивно бросилась за ним. – А теперь за мной – до смерти.

Он соскользнул по стволу дерева и, словно ветер, помчался на босых ногах к Пчелиным Скалам, пока красные волки не видели, что он делает.

Они один раз низко взвыли и пустились в долгий неуклюжий бег, который может в конце концов измотать всё, что бежит. Маугли знал, что темп их стаи гораздо медленнее, чем у обычных волков, иначе бы он в жизни не рискнул бежать три километра у них на виду. Они были уверены, что в конце концов настигнут мальчишку, а он был уверен, что заставил их играть с ним так, как он хочет. Проблема были лишь в том, чтобы они за его спиной оставались достаточно разгорячёнными, чтобы не повернуть назад слишком быстро. Он бежал аккуратно, ровно и резво; бесхвостый вожак – меньше чем за полтора метра от него; а Стая растянулась, наверное, метров на четырёста, обезумевшая и ослеплённая яростью убийц. Так что он держал дистанцию на слух, приберегая последние силы для забега по Пчелиным Скалам.

Маленький Народ лёг спать в ранние сумерки, потому что сейчас не был сезон цветов, распускающихся допоздна; но когда на полой земле гулко стукнули первые шаги Маугли, он услышал такой звук, как будто земля жужжит. Тогда он побежал так, как ещё никогда в жизни не бегал, отбросив прочь одну – две – три кучи камней в тёмные сладко пахшие овраги; услышал рёв, похожий на рёв моря в пещере; увидел краем глаза, как воздух за ним потемнел; увидел поток Вайнгунги далеко внизу, а в воде – плоскую ромбовидную голову; изо всех сил прыгнул вперёд, был в воздухе укушен бесхвостым красным волком и упал ногами вперёд в безопасную реку, затаив дыхание и торжествуя. Его не ужалили ни разу, потому что запах чеснока задержал Маленький Народ на те несколько секунд, что он провёл среди них. Когда он поднялся, его подпирали кольца Каа, а с края утёса валилось что-то, похожее на огромные кучи пчёл, падавших, словно подбитые; но до того, как куча касалась

воды, пчёлы взлетали, и тело красного волка несло вниз по течению. Наверху они слышали яростные короткие вопли, которые, словно камни в воде, тонули в шуме – в шуме крыльев Маленького Народа Скал. Ещё некоторые из красных волков упали в овраги, которые соединялись с подземными пещерами, и там задохались, и бились, и кусались среди разваленных сот, и, наконец, поднимались, пусть даже после смерти, на поднявших их волнах пчёл, вырывались из какой-то дырки на поверхность реки, перекатываясь через чёрные мусорные кучи. Были красные волки, которые быстро запрыгнули на деревья на утёсах, и пчёлы заслонили их силуэты; но большая часть, обезумевшая от жал, бросилась в реку; а Вайнгунга, как сказал Каа, была голодным потоком.

Каа крепко держал Маугли, пока парень не восстановил дыхание.

-Нам нельзя здесь оставаться, - сказал он. – Маленький Народ действительно вышел из себя. Пошли!

Держась низко и как можно чаще ныряя, Маугли с ножом в руке поплыл вниз по течению.

-Медленно, медленно, - сказал Каа. – Один зуб не убивает сотню, если это не зуб кобры, а многие из красных волков без промедления нырнули, увидев, как поднимается Маленький Народ.

-Значит, тем больше работы для моего ножа. Уф! Как же гонится Маленький Народ! – Маугли снова нырнул. У поверхности воды было полно диких пчёл, зловеще жужжавших и жаливших всё, что они находили.

-Тишина ещё ничего ни у кого не отбирала, - сказал Каа – его чешую не могло пробить ни одно жало, - а у тебя ещё вся длинная ночь для охоты. Услышь их вой!

Почти половина стаи видела ловушку, в которую бегут их товарищи, и, резко развернувшись, бросилась в воду туда, где ущелье разделялось на крутые берега. Их крики ярости и их угрозы «древесной обезьяне», которая довела их до позора, смешались с воплями и рычанием тех, кого карал Маленький Народ. Остаться на берегу – смерть, и это знали все красные волки. Их стаю понесло по течению вниз, к глубоким

течениям Воды Мира, но даже там за ними последовал сердитый Маленький Народ и заставил их снова нырять. Маугли слышал голос бесхвостого вожака, призывавшего свой народ выстоять и поубивать всех волков в Сиони. Но он не тратил время на то, чтобы слушать.

-За нами в темноте убивают! – рявкнул один красный волк. – Здесь грязная вода!

Это Маугли нырнул вперёд, словно выдра, дёрнул под водой бьющегося красного волка, пока тот не открыл рот, и пошли тёмные круги, когда тело всплыло, повернувшись набок. Красные волки пытались повернуть, но им мешало течение, а Маленький Народ бросался на головы и уши, а в сгущавшейся темноте они слышали, как вызов стаи Сиони становится громче и ниже. Снова нырнул Маугли, и снова красный волк ушёл под воду и всплыл мёртвым, и снова в задней части стаи раздался шум; одни были, что лучше выйти на берег, другие кричали своему вожаку, чтобы вёл их обратно в Деккан, а третьи призывали Маугли показаться и принять смерть.

-Они приходят на бой с двумя желудками и несколькими голосами, - сказал Каа. – Теперь дело за твоими братьями там внизу, Маленький Народ идёт обратно спать. Они загнали нас далеко. Теперь я тоже поверну, потому что я не имею дел ни с какими волками. Доброй охоты, Маленький Брат, и помни, что красный волк кусает низко.

Вдоль берега на трёх лапах бежал волк, подскакивая, склонив голову набок близко к земле, сгорбив спину и вновь высоко прыгая, как будто играл со своими волчатами. Это был Вонтолла, Посторонний, и он ни сказал ни слова, но продолжил свой ужасный бег рядом с красными волками. Они уже давно были в воде и плыли устало, с сырыми и тяжёлыми шкурами, с разбухшими, словно губки, хвостами, такие усталые и дрожавшие, что тоже молчали, глядя на пару горящих глаз рядом с ними.

-Это дурная охота, - сказал один, пыхтя.

-Добрая охота! – сказал Маугли, отважно поднялся рядом со зверем и вонзил длинный нож ему за плечо, сильно нажав, чтобы уйти от предсмертного укуса.

-Ты там, Человеческий детёныш? – крикнул через воду Вонтолла.

-Спроси о мёртвых, Посторонний, - ответил Маугли. – Неужели никого не смыло течением? Я набил рты этих псов грязью; я обманул их средь бела дня, а у их вожака нет хвоста, но для тебя тут ещё осталось. Куда мне их гнать?

-Я подожду, - сказал Вонтолла. – У меня вся ночь впереди. Всё ближе и ближе доносился вой волков Сиони.

-Ради Стаи, ради Полной Стаи встретим их! – и изгиб реки погнался красных волков вперёд, к пескам и отмелям напротив Логов.

Тогда они увидели свою ошибку. Им стоило высадиться на восемьсот метров раньше и наброситься на серых волков на суше. Теперь было слишком поздно. На берегу было полно горящих глаз, и в Джунглях не было никаких звуков, кроме феала, который не прекращался с заката. Казалось, что Вонтолла упрощает их выйти на берег.

-Повернуть и схватить! – сказал вожак красных волков. Вся стая бросилась на берег, колотя лапами по воде у отмелей, пока вся поверхность Вайнгунги не побелела и от берега до берега не пошли огромные круги, как ударная волна от лодки. Маугли поплыл за красными волками, пронзая и разрезая их, прижавшихся друг к другу, единой волной поваливших на речной пляж.

Потом начался долгий бой, поднимаясь, усиливаясь, разделяясь, рассыпаясь, сужаясь и расширяясь на мокром красном песке, и на запутанных корнях деревьев, и среди кустов, и в зарослях травы; ведь даже сейчас красных волков было вдвое больше. Но им встретились волки, сражавшиеся за всю Стаю, и не только охотники Стаи – низкие и высокие, со впалой грудью и белыми клыками, но и нервные лахинис – так называют волчиц из логов – дрались за свои выводки, а к их бокам то и дело прижимались годовалые волчата, у которых ещё не сошёл первый пушок. Вы должны знать, что серый волк бросается в горло или хватается за бок, а красный предпочитает кусать в живот, поэтому, когда красные волки выбирались из воды и им пришлось поднять головы, перевес был у серых. На суше серые волки страдали; но в воде и на

побережье нож Маугли работал без передышек. Четвёрка беспокойно пробились к нему. Серый Брат, присев у парня между коленей, защищал его живот, а остальные охраняли его спину и бока или вставали над ним, когда раздавался шокированный крик красного волка, который прыгнул прямо на твёрдое лезвие. Для всех остальных это была одна спутанная куча-мала – сцепленная и шатающаяся толпа, которая двигалась по берегу справа налево и слева направо, а ещё ходила кругами вокруг центра. Здесь была здоровенная куча, похожая на водный пузырь в водовороте, которая разрывалась, как пузырь, и выбрасывала четыре или пять искалеченных псов, старавшихся вернуться в центр; здесь был волк-одиночка, сломленный двумя или тремя красными волками, усердно тащившимися вперёд и захлёбывавшимися; здесь был годовалый волчонок, которого поднимало давлением вокруг, хотя его давно убили, а его мать, обезумевшая от тупой ярости, перекатывалась, кусалась и помирала; а в середине, в самой гуще давки, один серый и один красный, забыв обо всём остальном, кружили, надеясь ухватить друг друга, пока их не унесло наплывом яростных бойцов. Один раз Маугли прошёл мимо Акелы, окружённого двумя красными волками с боков и сомкнувшего свои далеко не беззубые челюсти на пояснице третьего; а один раз он увидел Фао, вцепившегося зубами красному волку в горло, тащившего этого упрямого зверя вперёд, пока его не прикончили волчата. Но основной массой боя была размытая масса и пыль в темноте; удары, спотыкания, падения, визг, стон и беспокойство, и вокруг, и сзади, и сверху. Пока ночь продолжалась, быстрое сумасшедшее кружение усилилось. Красные волки трусили и боялись нападать на тех, кто сильнее, но убегать пока не смели. Маугли почувствовал, что конец близок, и стал бить только для того, чтобы искалечить. Волчата становились отважнее; то и дело было время передохнуть и перекинуться словом с другом, и иногда пса отпугивал лишь блеск ножа.

-Мясо очень близко к кости, - заорал Серый Брат. Из его раншла кровь.

-Но кость ещё предстоит сломать, - сказал Маугли. – Ух! Вот ТАК делают у нас в джунглях! – Красное лезвие, как пламя,

пронеслось по боку красного волка, чью заднюю часть скрыла туша вцепившегося серого.

-Моё! – фыркнул волк сквозь морщинистые ноздри. – Оставь его мне.

-В твоём желудке ещё пусто, Посторонний? – сказал Маугли. Вонтолла был страшно изранен, но его хватка парализовала красного волка, который не мог развернуться и достать его.

-Клянусь быком, который меня выкупил, - сказал Маугли, мрачно смеясь, - это бесхвостый! – Это и правда был большой каштановый вожак.

-Глупо убивать волчат и лахинис, - философски продолжил Маугли, вытирая кровь с глаз, - не убив Постороннего; а я желудком чувствую, что этот Вонтолла тебя убьёт.

Один красный волк прыгнул своему вожаку на помощь; но не успели его зубы найти бок Вонтоллы, как в горло ему вонзился нож Маугли, а Серый Брат занялся тем, что осталось.

-И так делают у нас в джунглях, - сказал Маугли.

Вонтолла не сказал ни слова, только его челюсти смыкались на хребте, пока из него уходила жизнь. Красный волк дрогнул, уронил голову и лёг неподвижно, а Вонтолла упал на него.

-Ха! Кровавый Долг выплачен, - сказал Маугли. – Пой свою песню, Вонтолла.

-Он больше не охотится, - сказал Серый Брат, - и Акела тоже всё это время молчал.

-Кость треснула! – прогремел Фао, сын Фаоны. – Они уходят! Убивайте, убивайте всех, охотники Свободного Народа!

Один красный волк за другим крался прочь от этих тёмных и окровавленных песков к реке, к густым джунглям, вверх или вниз по течению, где видел дорогу.

-Долг! Долг! – закричал Маугли. – Отплатить долг! Они убили Волка-Одиночку! Пусть ни один пёс не уйдёт!

Он нёсся к реке, держа в руке нож, чтобы проверить, не посмеет ли кто из красных волков уйти по воде, когда из-под

кучи мёртвых поднялась голова и передняя часть Акелы, и Маугли упал на колени рядом с Волком-Одиночкой.

-Не я ли говорил, что это будет мой последний бой? – выдохнул Акела. – Это добрая охота. А у тебя, Маленький Брат?

-Я жив и убил многих.

-И всё равно. Я умираю, и мне бы – мне бы хотелось умереть рядом с тобой, Маленький Брат.

Маугли положил себе на колени ужасно исцарапанную голову и обнял руками рваную шею.

-Давно минули старые дни Шерхана и Человеческого детёныша, который голышом катался в пыли.

-Нет, нет, я волк. Я одной крови со Свободным Народом, - крикнул Маугли. – Не моя воля, что я человек.

-Ты человек, Маленький Брат, волчонок под моим присмотром. Ты человек, иначе бы Стая сбежала от красных волков. Своей жизнью я обязан тебе, и сегодня ты послужил Стае так же, как однажды я спас тебя. Ты забыл? Теперь все долги выплачены. Иди к своему народу. Говорю тебе снова, глаз моего глаза, эта охота закончилась. Иди к своему народу.

-Я никогда не уйду. Я буду охотиться в джунглях один. Я уже говорил.

-После лета придут дожди, а после дождей придёт весна. Возвращайся, пока тебя не изгнали.

-Кто меня изгонит?

-Маугли изгонит Маугли. Возвращайся к своему народу. Возвращайся к Человеку.

-Когда Маугли изгонит Маугли, я уйду, - ответил Маугли.

-Больше говорить не о чем, - сказал Акела. – Маленький Брат, ты можешь поднять меня на ноги? Я был ещё и вожаком Свободного Народа.

Очень осторожно и мягко Маугли отодвинул тела и поднял Акелу на ноги, обняв его обеими руками, и Волк-Одиночка сделал глубокий вдох и запел Похоронную Песню, которую

вожак стаи должен петь, когда умирает. Постепенно она усиливалась, становясь всё громче и громче, звеня далеко за рекой, пока не дошла до последних слов «Доброй охоты!», и Акела на мгновение стряхнул с себя Маугли и, высоко прыгнув, замертво упал спиной на свою последнюю и самую ужасную жертву.

Маугли сидел, уткнув голову в колени и не думая ни о чём другом, пока оставшихся удиравших красных волков хватили и давили безжалостные лахинис. Мало-помалу крики затихли, и волки, хромя и зализывая раны, вернулись пересчитать потери. У реки лежали мёртвыми пятнадцать волков из Стаи и полдюжины лахинис, а из оставшихся все были ранены. И Маугли просидел там до холодного рассвета, пока ему в ладонь не уткнулась мокрая красная морда Фао, и Маугли отошёл, чтобы показать костлявое тело Акелы.

-Доброй охоты! – сказал Фао так, как будто Акела был ещё жив, а потом остальным через покусанное плечо: - Войте, псы! Сегодня умер Волк!

Но из всей Стаи двухсот боевых красных волков, которые хвастались, что все джунгли – их джунгли и что ни одна живая тварь не устоит перед ними, ни один не вернулся в Деккан с этой вестью.

Глава пятая. Весенний бег

На второй год после великой битвы с Рыжим Псом и смерти Акелы Маугли, должно быть, было уже около семнадцати лет. Он выглядел старше, потому что тяжёлые нагрузки, самая лучшая еда и мытьё всякий раз, когда он хоть чуть-чуть перегревался или пачкался, дали его силе и росту намного опередить возраст. Когда ему приходилось смотреть на древесные дороги, он мог по полчаса свисать с верхней ветки на одной руке. Он мог на скаку остановить молодого оленя и, держа за голову, отбросить его в сторону. Он даже мог дразнить больших синих диких кабанов, которые жили в Болотах Севера. Народ Джунглей, который раньше боялся его ума, теперь боялся его силы, и когда он тихо двигался по своим делам, лишь шёпот о его приближении мог расчистить древесные пути. И всё же взгляд его глаз всегда был добрым. Даже когда он дрался, его глаза никогда не горели так, как у Багиры. В них появлялись лишь ещё больший интерес и

волнение; и это была одна из вещей, которые не понимал сам Багира.

Он спросил об этом Маугли, и парень засмеялся и сказал:

-Когда я упускаю добычу, я сержусь. Когда я должен голодать два дня, я очень сержусь. Тогда мои глаза говорят?

-Рот голоден, - сказал Багира, - но глаза не говорят ничего. Охотишься, ешь или плаваешь, они всегда одинаковые – как камень в мокрую или сухую погоду. – Маугли лениво взглянул на него из-под длинных ресниц, и голова пантеры, как обычно, опустилась. Багира знал своего хозяина.

Они разлеглись высоко на склоне холма, глядя на Вайнгунгу, а под ними бело-зелёными полосами висела утренняя дымка. Когда встало солнце, она превратилась в пузыристые красно-золотые моря, смешалась, и низкие лучи осветили сухую траву, на которой отдыхали Маугли и Багира. Заканчивалась холодная погода, листья и деревья выглядели уставшими и тусклыми, а когда дул ветер, везде раздавался сухой, монотонный шелест. По сучку яростно бился маленький лист, одинокий лист в воле потока. Он заинтересовал Багиру, который с низким, глухим кашлем понюхал утренний воздух, упал на спину и ударил передними лапами в направлении качавшегося наверху листа.

-Год движется, - сказал он. – Джунгли идут вперёд. Приближается Время Нового Разговора. Этот лист знает. Это очень хорошо.

-Трава сухая, - ответил Маугли, выдернув пучок. – Даже Весенний Глаз [маленький трубчатый красный цветок, который похож на воск и распускается среди трав] – даже Весенний Глаз не расцвёл, и... Багира, НЕУЖЕЛИ Чёрной Пантере прилично лежать на спине и бить лапами по воздуху, как древесной кошке?

-А? – сказал Багира. Он, кажется, думал о других вещах.

-Я говорю, НЕУЖЕЛИ Чёрной Пантере прилично так болтать, и кашлять, и выть, и кататься? Помни, мы с тобой Хозяева Джунглей, ты и я.

-Да, действительно; я слышу, Человеческий детёныш. – Багира поспешно перекатился обратно и сел, его

шероховатые чёрные бока запылились. (Он как раз сбрасывал зимнюю шкуру). – Мы с тобой точно Хозяева Джунглей! Кто так же силен, как Маугли? Кто так же мудр? – В его голосе было ленивое любопытство, от которого Маугли повернулся посмотреть, не смеётся ли над ним Чёрная Пантера, ведь в джунглях полно слов, которые звучат, как одно, а означают другое. – Я сказал, что мы с тобой, безусловно, Хозяева Джунглей, - повторил Багира. – Неужели я ошибся? Я не знал, что Человеческий детёныш уже не лежит на земле. Он что, летает?

Маугли сел, положив локти на колени и глядя через долину при свете дня. Где-то внизу, в лесах, какая-то птица хриплым, слабым голосом пробовала первые несколько нот своей весенней песни. Это была не более чем тень жиденького, тихого зова, который она издаст позже, но Багира её слышал.

-Я сказал, что приближается Время Нового Разговора, - проворчала пантера, дёргая хвостом.

-Я слышал, - ответил Маугли. – Багира, почему ты весь трясёшься? Солнце тёплое.

-Это Ферао, алый дятел, - сказал Багира. – ОН не забыл. Теперь я тоже должен вспомнить свою песню, - и он начал мурлыкать и напевать себе под нос, снова и снова неудовлетворённо прислушиваясь.

-Впереди нет добычи, - сказал Маугли.

-Маленький Брат, у тебя ОБА уха оглохли? Это не охотничий зов, а моя песня, которую я должен подготовить, когда будет нужно.

-Я забыл. Я пойму, когда настанет Время Нового Разговора, потому что тогда ты и все остальные убежите и оставите меня одного. – Маугли говорил довольно рассерженно.

-Но вообще-то, Маленький Брат, - начал Багира, - мы не всегда...

-Я сказал, вы убежите, - сказал Маугли, сердито тыча указательным пальцем. – Вы ВСЕГДА убегаете, а я, Хозяин Джунглей, должен гулять один. Как было в прошлый сезон, когда я собирал сахарный тростник с полей Человеческой

Стаи? Я отправил гонца – я отправил тебя! – к Хатхи, упрашивая его прийти в такую ночь и нарвать мне этой сладкой травы своим хоботом.

-Он пришёл только через две ночи, - сказал Багира, слегка съёжившись, - а той длинной сладкой травы, которая тебе так понравилась, он набрал больше, чем любой Человеческий детёныш мог бы съесть за все ночи дождей. Это была не моя вина.

-Он пришёл не в ту ночь, когда я отправил ему послание. Нет, он трубил, и бегал, и кричал по долинам в свете луны. Его след был похож на след трёх слонов, потому что он не прятался среди деревьев. Он танцевал в свете луны перед домами Человеческой Стаи. Я его видел, и всё же он ко мне не пришёл; а я – Хозяин Джунглей!

-То было Время Нового Разговора, - сказала пантера, как всегда, скромно. – Может, Маленький Брат, ты в тот раз не позвал его Главным Словом? Слушай Ферао и радуйся!

Казалось, плохое настроение Маугли выкипает. Он лёг на спину, закрыв голову руками и захлопнув глаза.

-Я не знаю – и мне всё равно, - сонно сказал он. – Давай спать, Багира. У меня тяжёлый желудок. Дай место моей голове.

Багира, вздохнув, снова лёг, потому что знал, что Ферао, как говорится, тренировался и отрабатывал свою песню перед Весенним Временем Нового Разговора.

В индийских джунглях сезоны сменяют друг друга, почти не разделяясь. Кажется, что их только два – мокрый и сухой; но если внимательно посмотреть, то между потоками дождя и облаками жара и пыли вы обнаружите все четыре, ходящие по кругу, как обычно. Весна – самая чудесная, потому что ей не приходится покрывать чистое, голое поле новыми листьями и цветами; она гонит перед собой и убирает висячую, зажившуюся мешанину полужелёных растений, которые мягкая зима заставила жить, и позволяет частично одетой старой земле вновь почувствовать себя новой и молодой. И это она делает так хорошо, что нигде в мире нет такой весны, как в джунглях.

Есть один день, когда всё кругом устало, и даже запахи, переносимые в тяжёлом воздухе, старые и негодные. Это нельзя объяснить, но ощущение такое. А потом другой день – на глаз ничего не изменилось – когда все запахи новые и восхитительные, а у Народа Джунглей усы дрожат до самых корней, а с их боков длинными, грязными клоками сходит зимняя шерсть. Затем может пройти небольшой дождь, и все деревья, и кусты, и бамбук, и мхи, и сочные листья просыпаются с шумом роста, который можно чуть ли не услышать, и под этот шум днём и ночью раздаётся низкое гудение. ЭТО шум весны – вибрирующий гам, который издают не пчёлы, не падающая вода, не ветер в верхушках деревьев, а тёплый, счастливый мир.

До этого года Маугли всегда обожал смену сезонов. Это он обычно видел первый Весенний Глаз внизу, среди трав, и первый край весенних облаков, которые не похожи ни на что другое в джунглях. Во всяких мокрых, освещённых звёздами, цветущих местах можно было услышать его голос, подпевающий хорам больших лягушек или дразнящий маленьких висящих вниз головой сов, которые ухают в белые ночи. Как и весь его народ, он предпочитал переселяться именно весной – двигаться для простого удовольствия стремительного бега на тёплом воздухе по пятьдесят, шестьдесят пять или восемьдесят километров от сумерек до утренней звезды и, пыхтя, и смеясь, и обмотавшись странными цветами, возвращаться. В этот дикий звон джунглей Четвёрка не шла за ним, а уходила петь песни с другими волками. Народ Джунглей весной очень занят, и Маугли слышал, как они ворчат, и вопят, и свистят – кто что умеет. Их голоса тогда отличаются от их голосов в другие времена года, и это одна из причин, по которым весну в джунглях называют Временем Нового Разговора.

Но той весной, как он и сказал Багире, в его желудке что-то изменилось. С тех самых пор, как поросли бамбука стали пятнисто-коричневыми, он с нетерпением ждал утра, когда запахи изменятся. Но когда настало утро и о нём на весь туманный лес закричал сверкавший бронзово-сине-золотой павлин Мао, а Маугли открыл рот, чтобы крикнуть в ответ, слова застряли у него между зубами и появилось ощущение, которое началось у пальцев ног и закончилось в волосах –

ощущение чистой печали, такой, что он осмотрел себя, чтобы проверить, не наступил ли он на колючку. Мао кричал о новых запахах, его крик подхватили другие птицы, а от скал Вайнгунги он слышал хриплый вопль Багиры – что-то среднее между воплем орла и ржанием лошади. В дававших почки ветках наверху раздались вопли и возня Бандар-логов, а внизу стоял Маугли, у которого грудь, наполненная для ответа Мао, опускалась от коротких вздохов, потому что эта печаль гнала оттуда дыхание.

Он озирался вокруг, но видел лишь дразнящих Бандар-логов, скакавших по деревьям, и Мао, распутившего хвост и танцевавшего на склонах внизу.

-Запахи изменились, - вопил Мао. – Доброй охоты, Маленький Брат! Где твой ответ?

-Маленький Брат, доброй охоты! – просвистели коршун Ранн и его подруга, вместе слетев вниз. Они прошли у Маугли под самым носом, махнув перед ним пучком мягких белых перьев.

На восемьсот метров вокруг от них по джунглям шёл лёгкий весенний дождь – его называют слоновым дождём – смачивая новые листья, которые кивали ему вслед, и закончился двойной радугой и лёгким раскатом грома. Весеннее гудение на минуту прервалось и замолчало, но казалось, что весь Народ Джунглей говорит одновременно. Весь, кроме Маугли.

-Я ел хорошую пищу, - сказал он себе. – Я пил хорошую воду. Моё горло не горит и не сжимается, как тогда, когда я откусил от корня с синими пятнами, который черепаха У назвала чистой едой. Но у меня тяжело в желудке, и я очень плохо говорил с Багирой и остальными, народом джунглей и своим народом. Теперь мне ещё и жарко, а теперь мне холодно, а теперь мне не жарко и не холодно, но я сержусь на то, что не вижу. Хуху! Пора пробежаться! Сегодня я выбегу за границы; да, я совершу весенний бег к Болотам Севера и обратно. Я слишком долго вёл слишком лёгкую охоту. Четвёрка побежит со мной, ведь они толстеют, как белые гусеницы.

Он позвал, но никто из Четвёрки не ответил. Им было его не слышно, они пели весенние песни – Песни Луны и Замбара – с волками стаи; ведь в весеннюю пору Народ Джунглей почти

не делает различий между днём и ночью. Он резко гавкнул, но единственным ответом ему было дразнящее «мяу» маленькой пятнистой древесной кошки, ползавшей по веткам в поисках ранних птичьих гнёзд. Тут он весь затрясся от ярости и наполовину вынул свой нож. Затем он очень надменно и сурово, хотя его никто не видел, зашагал вниз по холму, задрав подбородок и опустив брови. Но никто из его народа так и не задал ему ни одного вопроса, ведь они все были слишком заняты собственными делами.

-Да, - сказал себе Маугли, хотя в глубине души знал, что причины злиться у него нет. – Пусть Красный Волк придёт из Деккана, или Красный Цветок пляшет среди бамбука, и все джунгли, хныкая, побегут к Маугли, называя его именами огромных слонов. Но сейчас, так как Весенний Глаз красен и Мао, без сомнения, должен показывать свои голые ноги в каком-то весеннем танце, джунгли взбесились, как Табаки.... Клянусь быком, который меня выкупил! Я Хозяин Джунглей или нет? Тихо! Чего это вы?

По тропинке пробежала пара молодых волков из Стаи, разыскивая открытое место, чтобы подраться. (Вы помните, что Закон Джунглей запрещает драться там, где видит Стая.) Щетина на их шеях была жёсткой, как провода, и они яростно выли, пригибаясь и надеясь схватить друг друга. Маугли прыгнул вперёд, поймал их руками за горло, думая отшвырнуть животных назад, как он часто делал в играх или на охоте Стаи. Но он никогда раньше не вмешивался в весеннюю драку. Эти двое выскочили, рванули прочь от него и, не тратя зря слов, перекатились и вновь сцепились.

Не успел Маугли упасть, как уже снова был на ногах, обнажив свой нож и свои белые зубы, и в ту минуту он убил бы обоих без всякой причины, кроме того, что они дрались, а он хотел, чтобы они утихли, хотя по Закону каждый волк имеет полное право драться. Он скакал вокруг них, опустив плечи и дёргая рукой, готовый нанести двойной удар, когда закончится первый порыв этой суматохи; но, пока он ждал, казалось, что сила покидает его тело, остриё ножа опустилось, и он вернул его в ножны и стал смотреть.

Драка продолжалась, пока один волк не убежал, и Маугли остался один на расцарапанной и окровавленной земле,

глядя то на свой нож, то на свои ноги и руки, пока чувство печали, какой он никогда раньше не знал, покрывало его так, как вода покрывает бревно.

В тот вечер он убил рано и поел, но немного, чтобы быть в хорошей форме для весеннего бега, и ел он один, потому что весь Народ Джунглей ушёл петть и драться. Это была идеальная белая ночь, как её называют. Казалось, что вся зелень с утра подросла, как за месяц. Из ветки, на которой вчера были жёлтые листья, пошёл сок, когда Маугли её сломал. Под его ногами свернулись низкие и тёплые мхи, у молодой травы не было острых краёв, а все голоса в джунглях гремели, как одна низкая струна арфы, которой коснулась луна – Луна Нового Разговора, залившая своим светом скалу и озеро, пролившая его между стволом и лианой и рассеявшая его по миллиону листьев. Забыв о своей печали, Маугли в полном восторге громко запел, направившись большими шагами. Больше всего это было похоже на полёт, потому что он выбрал длинный склон, который ведёт к Северным Болотам через сердце основных джунглей, где упругая земля гасила шум его шагов. Человек, обученный человеком, бежал бы, многократно спотыкаясь в обманчивом лунном свете, но мышцы Маугли, обученного годами опыта, несли его, как перо. Когда ему под ногу попадалось гнилое бревно или спрятанный камень, он освобождался, даже не замедляя шаг, без усилий и без мыслей. Когда он уставал идти по земле, он по-обезьяньи хватался руками за ближайшую лиану и, казалось, скорее летел, а не лез на тонкие ветки, откуда шёл по древесной дороге, пока не передумывал и не бросался по длинной лиственной кривой снова вниз, на уровень земли. Были тихие горячие ямы, окружённые мокрыми камнями, где он едва мог дышать из-за сильных ароматов ночных цветов, и цветущие почки лиан; тёмные дороги, где лунный свет лежал повторявшимися полосами, как на мраморе в проходе церкви; заросли, где ему по грудь стояла мокрая молодая поросль и пыталась схватить его за пояс; и холмы, увенчанные разбитыми камнями, по которым он прыгал над норами напуганных мелких лис. Он слышал очень слабое и далёкое пыхтение кабана, точившего свои бивни о ствол, и находил этого огромного серого зверя совсем одного, с пеной у рта и горящими, как огонь, глазами резавшего и царапавшего кору высокого дерева. А у какого-то

брода с быстрым течением он слышал крокодила Джакалу, вопившего, как бык, или тревожил плотный узел Ядовитого Народа, но не успевали они ударить, как он убежал по блестящей гальке обратно в глубину джунглей.

Так он бежал, иногда кричал, иногда пел сам себе, что было в ту ночь самой счастливой вещью во всех джунглях, пока по запаху цветов не понял, что он возле болот, а они лежали далеко за самыми дальними пределами территории его охоты.

Опять же, здесь человек, обученный человеком, утонул бы с головой через три шага, но у ног Маугли были глаза, и они проносили его с кочки на кочку и с корня на корень, не прося помощи у глаз на голове. Он добежал до середины болота, потревожив по пути уток, и сел на покрытый мхом ствол дерева, опущенный в чёрную воду.

На болоте вокруг него все проснулись, потому что весной Народ Птиц спит очень чутко, и их компании приходили и уходили всю ночь. Но никто не обратил внимания на Маугли, сидевшего среди высокого тростника, напевавшего песни без слов и смотревшего, нет ли в пятках его жёстких коричневых ног незамеченных колючек. Казалось, что вся его печаль осталась позади, в его собственных джунглях, и он как раз начинал петь во всё горло, когда она вернулась – в десять раз хуже, чем раньше.

На этот раз Маугли испугался.

-И здесь она! – сказал он вполголоса. – Она шла за мной, - и он оглянулся через плечо посмотреть, не стоит ли за ним Она. – Здесь никого нет. – Ночные шумы на болоте продолжались, но с ним не говорили ни птица, ни зверь, и новое чувство грусти росло.

-Я точно наелся яда, - сказал он перепуганным голосом. – Должно быть, я неразумно наелся яда и моя сила из меня уходит. Я боялся – и всё же это не я боялся – Маугли боялся, когда два волка дрались. Акела или даже Фао усмирил бы их; и всё же Маугли боялся. Это верный знак того, что я наелся яда.... Но кому какое дело в джунглях? Они поют, и воют, и дерутся, и бегают компаниями под луной, а я – ну и ну! – я умираю в болотах от того яда, которого наелся. – Ему было так жаль себя, что он чуть не зарыдал. – А потом, - продолжил он, - меня найдут лежащим в чёрной воде. Нет, я вернусь в свои собственные джунгли и умру на Скале Совета, и Багира, которого я люблю, когда он не орёт в долине – Багира, может быть, присмотрит за тем, что останется, чтобы Ранн не использовал меня так же, как использовал Акелу.

На его колено упала большая тёплая слеза, и хотя он был опечален, Маугли был счастлив, что он так опечален, если вы можете понять такое перевёрнутое счастье.

-Как коршун Ранн использовал Акелу, - повторил он, - в ночь, когда я спас Стаю от Рыжего Пса. – Какое-то время он молчал, думая о последних словах Волка-Одиночки, которые вы, конечно, помните. – Итак, Акела сказал мне много глупых вещей перед тем, как умереть, ведь когда мы умираем, наши желудки меняются. Он сказал... Тем не менее, я из джунглей!

В своём волнении, вспомнив бой на берегу Вайнгунги, он крикнул последние слова в полный голос, и дикая буйволица среди тростника вскочила на колени, фыркнув:

-Человек!

-Ухх! – сказал дикий буйвол Миса (Маугли слышал, как тот повернулся в грязи), - ЭТО не человек. Это только безволосый волк из Стаи Сиони. В такие ночи бегают он взад-вперёд.

-Ухх! – сказала корова, снова опуская голову к траве, - а я думала, что это человек.

-А я говорю, нет. О Маугли, там опасность? – тихо сказал Миса.

-О Маугли, там опасность? – передразнил парень. – Это всё, о чём думает Миса. Там опасность? Но до Маугли, который по ночам ходит взад-вперёд по джунглям, наблюдая, какое тебе дело?

-Как громко он кричит! – сказала корова.

-Так кричат те, – презрительно ответил Миса, – которые, сорвав траву, не знают, как её есть.

-По меньшей мере, – простонал сам себе Маугли, – по меньшей мере, в последние дожди я выдернул Мису из его грязи и прокатился на нём по болоту хромой рысью. – Он протянул руку, чтобы сломать одну из лёгоньких тростинок, но со вздохом отдёрнул. Миса продолжал спокойно жевать, а там, где паслась буйволица, длинная трава была порвана. – Я не умру ЗДЕСЬ, – сердито сказал он. – Меня увидит Миса, который одной крови с Джакалой и свиньёй. Пойдём за болота и посмотрим, что будет. Никогда у меня не было такого весеннего бега – жаркого и холодного одновременно. Подъём, Маугли!

Он не мог подавить искушение прокрасться через тростник к Мисе и ткнуть его остриём ножа. Огромный мокрый бык вырвался из своей грязи со звуком лопнувшей скорлупы, а Маугли смеялся, пока тот не сел.

-Теперь скажи, что тебя однажды пас безволосый волк из Стаи Сиони, Миса, – крикнул он.

-Волк? ТЫ? – фыркнул бык, топая в грязи. – Все джунгли знают, что ты был пастухом домашнего скота – таким человеческим выродком, который кричит в пыли у далёких посевов. ТЫ из джунглей! Какой охотник стал бы красться среди личинок, как змея, и ради грязной насмешки – шакальей насмешки – позорить меня перед моей коровой? Пойдём на твёрдую землю, и я – я... – У Мисы пошла пена изо рта, потому что у Мисы один из худших характеров в джунглях.

Маугли глазами, которые никогда не менялись, смотрел, как тот надувается и пыхтит. Когда его стало слышно сквозь топот в грязи, он сказал:

-Какая Человеческая Стая поселилась здесь, у болот, Миса? Для меня это новые джунгли.

-Тогда иди на север, - зарычал сердитый бык, ведь Маугли ткнул его довольно больно. - Это была насмешка голого коровьего пастуха. Иди и расскажи всем в деревне у подножья болот.

-Человеческая Стая не любит рассказы джунглей, и я не думаю, Миса, что ради ещё одной царапины на твоей коже стоит устраивать совет. Но я пойду и посмотрю на эту деревню. Да, я пойду. Теперь спокойно. Не каждую ночь тебя приходит пасти Хозяин Джунглей.

Он шагнул на дрожащую землю на краю болота, хорошо зная, что Миса в жизни не бросится через него, и смеялся, пока бежал и думал о гневе быка.

-Моя сила ушла не вся, - сказал он. - Возможно, яд проник не до костей. Вон там, внизу, сидит звезда. - Он посмотрел на неё сквозь полузакрытые ладони. - Клянусь быком, который меня выкупил, это Красный Цветок - Красный Цветок, рядом с которым я лежал раньше - ещё до того, как я впервые пришёл в Стаю Сиони! Теперь, когда я увидел, я закончу бег.

Болото закончилось широкой равниной, где мерцал свет. Маугли уже давно не волновали дела людей, но этой ночью сияние Красного Цветка тянуло его вперёд.

-Я посмотрю, - сказал он, - как смотрел в былые дни, и увижу, насколько изменилась Человеческая Стая.

Забыв, что он уже не в своих джунглях, где он мог делать всё, что хотел, он беззаботно шагал по мокрой от росы траве, пока не дошёл до хижины, где горел свет. Залаляли три или четыре собаки, потому что он был на окраине деревни.

-Хо! - сказал Маугли, бесшумно сев после того, как издал низкий волчий вой, усмиривший псов. - Чему быть, то будет. Маугли, что тебе ещё делать с логовами Человеческой Стаи? - Он потёр рот, вспомнив, что туда ему попали камнем годы назад, когда его прогнала другая Человеческая Стая.

Дверь хижины открылась, и вышла женщина, глядя в темноту. Заплакал ребёнок, и женщина сказала через плечо:

-Спи. Это лишь шакал разбудил собак. Скоро настанет утро.

Маугли в траве начал трястись так, как будто у него жар. Он хорошо знал этот голос, но, чтобы убедиться, он тихо позвал, удивлённый, как вернулась человеческая речь:

-Мессуа! О Мессуа!

-Кто зовёт? – сказала женщина, голос которой дрогнул.

-Ты забыла? – сказал Маугли, и у него пересохло в горле.

-Если это ТЫ, как я тебя назвала? Говори! – Она наполовину закрыла дверь и прижала руку к груди.

-Нату! О, Нату! – сказал Маугли, потому что, как вы помните, этим именем Мессуа назвала его, когда он впервые пришёл в Человеческую Стаю.

-Входи, сын мой, - позвала она, и Маугли шагнул на свет и посмотрел прямо на Мессуа, женщину, которая была добра к нему и жизнь которой он так давно спас от Человеческой Стаи. Она была старше, и её волосы были седыми, но её глаза и голос не изменились. Она по-женски ожидала найти Маугли там же, где его оставила, и озадаченно перевела взгляд с его груди на его голову, которая касалась дверного косяка.

-Мой сын, - произнесла она; а потом, упав ему в ноги: - Но это уже не мой сын. Это Сын Бога Лесов! Ах!

Стоявшего в красном свете масляной лампы, высокого, сильного и красивого, с длинными чёрными волосами, свисавшими с плеч, с ножом, болтавшимся на шее, и венком белого жасмина на голове его можно было легко принять за какого-то дикого бога из легенды о джунглях. Ребёнок, дремавший на койке, вскочил и громко завизжал в ужасе. Мессуа повернулась успокоить его, а Маугли стоял неподвижно, глядя на кувшины с водой и горшки, ящик с зерном и все остальные человеческие принадлежности, которые он, оказалось, так хорошо помнил.

-Что ты будешь есть и пить? – шепнула Мессуа. – Это всё твоё. Мы обязаны тебе жизнью. Но ты тот, кого я назвала Нату, или действительно Сын Бога?

-Я Нату, - сказал Маугли, - я очень далеко от собственного жилья. Я увидел этот свет и пришёл сюда. Я не знал, что здесь ты.

-После того, как мы пришли в Ханивару, - робко сказала Мессуа, - англичане помешали тем деревенским жителям нас сжечь. Ты помнишь?

-Действительно, я не забыл.

-Но когда английский закон был подготовлен, мы пошли в деревню тех злых людей, и её там уже не оказалось.

-Это я тоже помню, - сказал Маугли, дёрнув ноздрей.

-Поэтому мой мужчина стал работать на полях, и наконец – ведь он действительно был сильным человеком – мы заняли небольшой участок здесь. Мы не так богаты, как в старой деревне, но нам много не надо – нам двоим.

-Где он, мужчина, который копался в грязи, когда испугался той ночью?

-Он мёртв – уже год.

-А он? – Маугли указал на ребёнка.

-Мой сын родился два сезона дождей назад. Если ты Сын Бога, прояви к нему Благосклонность Джунглей, чтобы он мог быть в безопасности среди твоего – твоего народа, как мы были в безопасности той ночью.

Она подняла ребёнка, который, забыв свой страх, протянул руку, чтобы поиграть с ножом, который висел у Маугли на груди, и Маугли очень осторожно отвёл маленькие пальцы в сторону.

-А если ты Нату, которого унёс тигр, - продолжала Мессуа, хрипя, - тогда он твой младший брат. Благослови его как старший брат.

-Ну и ну! Что я знаю о такой штуке, как благословение? Я не Сын Бога и не его брат, и – о, мама, мама, у меня тяжело на сердце. – Он вздрогнул, поставив ребёнка на место.

-Может быть, - сказала Мессуа, суется среди горшков. - Это из-за того, что ты ночью бегаешь по болотам. Без сомнения, в тебе жар до мозга костей. - Маугли слегка улыбнулся при мысли о том, чтобы что-то в джунглях ему навредило. - Я разведу огонь, и ты выпьешь тёплого молока. Убери венок из жасмина: запах слишком силён для такой маленькой комнаты.

Маугли сел, бормоча и закрыв лицо руками. Его захлестнули всякие странные чувства, которых у него никогда не было, как если бы он точно был отравлен, и он чувствовал головокружение и лёгкую тошноту. Тёплое молоко он выпил большими глотками, Мессуа время от времени гладила его по плечу, не совсем уверенная, то ли он её давно потерянный сын Нату, то ли какая-то чудесная сущность из джунглей, но с радостью ощущавшая, что он, по крайней мере, из плоти и крови.

-Сын, - сказала она наконец с полными гордости глазами, - тебе кто-нибудь говорил, что ты красивее любого мужчины?

-А? - сказал Маугли, потому что он, естественно, ничего подобного не слышал. Мессуа тихо и радостно засмеялась. Ей было достаточно выражения его лица.

-Значит, я первая? То, что мать говорит сыну эти добрые слова, случается редко, но это нормально. Ты очень красив. Я никогда не видела такого мужчины.

Маугли вывернул голову и попытался увидеть собственное жёсткое плечо, и на этот раз Мессуа смеялась так долго, что Маугли, не зная, почему, невольно засмеялся вместе с ней, и ребёнок забегал между ними, тоже смеясь.

-Нет, ты не должен дразнить своего брата, - сказала Мессуа, прижав его к груди. - Когда ты подрастёшь вполовину так же, как он, мы женим тебя на младшей дочери короля, и ты будешь ездить на огромных слонах.

Маугли не понимал треть слов этого разговора; тёплое молоко после долгой пробежки начинало на него действовать, так что он свернулся и через минуту крепко спал, и Мессуа сдвинула с его глаз волосы, набросила на него покрывало и была счастлива. Как и в джунглях, он проспал остаток ночи и весь следующий день; ведь его инстинкты,

которые никогда не засыпали полностью, говорили ему, что бояться нечего. Наконец он проснулся, подскочив так, что затряслась хижина, потому что из-за покрывала на лице ему снились ловушки; и вот он стоял с рукой на ноже, с вращающимися заспанными глазами, готовый к любой драке.

Мессуа засмеялась и поставила перед ним вечерний ужин. Там было только несколько крупных лепёшек, испечённых на коптящем огне, немного риса и кучка кислых консервированных тамариндов – как раз хватило бы, чтобы продержаться до вечерней охоты. От запаха росы в болотах ему захотелось есть и двигаться. Он хотел закончить свой весенний бег, но ребёнок упорно сидел у него на руках, а Мессуа настаивала, что его длинные сине-чёрные волосы необходимо причесать. Причёсывая, она пела глупые детские песенки, то называя Маугли своим сыном, то умоляя его передать часть силы джунглей ребёнку. Дверь хижины была закрыта, но Маугли слышал звук, который хорошо знал, и увидел, как у Мессуа от ужаса отвисла челюсть, когда под дверь пролезла огромная серая лапа, и Серый Брат снаружи завыл приглушённым и жалобным воем беспокойства и страха.

-Жди снаружи! Когда я звал, ты не пришёл, - сказал Маугли на языке джунглей, не поворачивая головы, и огромная серая лапа исчезла.

-Не – не приводи своих – своих слуг с собой, - сказала Мессуа.
- Я – мы всегда жили в мире с джунглями.

-И сейчас мир, - сказал Маугли, вставая. – Подумай о той ночи по дороге в Ханивару. Такой народ был и спереди, и сзади тебя. Но я вижу, что даже в весеннюю пору Народ Джунглей не всегда забывает. Мама, я пошёл.

Мессуа скромно отошла – он и правда лесной бог, подумала она; но, когда он положил руку на дверь, мать внутри неё заставила её снова и снова обнимать Маугли руками за шею.

-Возвращайся! – прошептала она. – Сын или не сын, возвращайся, ведь я люблю тебя – смотри, он тоже грустит.

Ребёнок плакал, потому что человек с блестящим ножом уходил.

-Возвращайся снова, - повторила Мессуа. – Ни ночью, ни днём эта дверь не заперта для тебя.

Горло Маугли работало так, как будто в нём были натянуты шнуры, и казалось, что голос неохотно выходит из него, когда он ответил:

-Я, конечно, вернусь.

-А теперь, - сказал он, положив на порог голову ласкавшегося волка, - у меня к тебе есть разговор, Серый Брат. Почему вы четверо не пришли, когда я звал так давно?

-Так давно? Это было лишь прошлой ночью. Я – мы – пели в джунглях новые песни, ведь сейчас Время Нового Разговора. Ты помнишь?

-Правда, правда.

-А как только песни были спеты, - серьёзно продолжал Серый Брат, - я пошёл по твоему следу. Я убежал от всех остальных и помчался, как на пожар. Но, о Маленький Брат, что ТЫ наделал, ешь и спишь с Человеческой Стаей?

-Если бы вы пришли, когда я звал, этого не было бы, - сказал Маугли, бежавший гораздо быстрее.

-А что будет теперь? – сказал Серый Брат. Маугли собирался ответить, когда по какой-то тропинке с окраины деревни вышла девушка в белой одежде.

Серый Брат сразу скрылся из вида, а Маугли бесшумно отступил в поле высоко растущих посевов. Он был почти на расстоянии вытянутой руки от неё, когда перед его лицом сомкнулись длинные зелёные стебли и он исчез, как привидение. Девушка завопила, потому что ей показалось, что она видела призрака, а потом она глубоко вздохнула. Маугли ладонями раздвинул стебли и наблюдал за ней, пока она не скрылась.

-А теперь я не знаю, - сказал он, в свою очередь вздохнув. - ПОЧЕМУ вы не пришли, когда я звал?

-Мы за тобой - мы за тобой, - бормотал Серый Брат, вылизывая Маугли пятку. - Мы всегда за тобой, кроме Времени Нового Разговора.

-А пошли бы вы за мной в Человеческую Стаю? - прошептал Маугли.

-Разве я не пошёл за тобой в ночь, когда тебя прогнала наша старая Стая? Кто разбудил тебя, лёжа среди посевов?

-Да, а ещё раз?

-Разве я не пошёл за тобой сегодня ночью?

-Да, а будет ли так ещё, и ещё, и ещё?

Серый Брат молчал. Наконец, он прорычал сам себе:

-Чёрный сказал правду.

-А что он сказал?

-В конце концов Человек идёт к Человеку. Ракша, наша мать, сказала...

-Ещё так сказал Акела в ночь Рыжего Пса, - пробормотал Маугли.

-Ещё так говорит Каа, который мудрее нас всех.

-Что скажешь ты, Серый Брат?

-Однажды они тебя обругали и прогнали. Они порезали твой рот камнями. Они послали Булдео убить тебя. Они хотели бросить тебя на Красный Цветок. Ты, а не я, говорил, что они злые и бесчувственные. Ты, а не я – я иду за собственным народом – впустил к ним джунгли. Ты, а не я, сочинил про них ещё более грубую песню, чем даже наша песня про Рыжего Пса.

-Я спрашиваю, что ТЫ скажешь?

Они говорили на бегу. Какое-то время Серый Брат бежал, не отвечая, а потом сказал в перерывах между скачками:

-Человеческий детёныш – Хозяин Джунглей – Сын Ракши, мой брат по Логову – хотя весной я на короткое время об этом забываю, твой след – мой след, твоё логово – моё логово, твоя добыча – моя добыча, а твой бой насмерть – мой бой насмерть. Я говорю за Тройку. Но что ты скажешь джунглям?

-Это хорошо обдумано. Увидев добычу, не нужно ждать перед убийством. Иди впереди и позови их всех на Скалу Совета, и я скажу им, что в моём желудке. Но они могут не прийти – во Время Нового Разговора они могут забыть меня.

-Значит, ты ничего не забыл? – щёлкнул зубами Серый Брат, оглянувшись, и перешёл на галоп, а Маугли задумчиво побежал за ним.

В любой другой сезон эта новость собрала бы всех в джунглях с шерстью дыбом на шее, но сейчас все были заняты охотой, драками, убийством и пением. От одного к другому Серый Брат бежал, крича:

-Хозяин Джунглей возвращается к Человеку! Приходите на Скалу Совета. – А счастливый, страстный Народ Джунглей лишь отвечал:

-Он вернётся в летнюю жару. Дожди погонят его в логово. Бегай и пой с нами, Серый Брат.

-Но Хозяин Джунглей возвращается к Человеку, - повторял Серый Брат.

-И – что с того? Разве от этого Время Нового Разговора менее приятно? – отвечали они. Так что, когда Маугли с тяжёлым сердцем пришёл по хорошо знакомым скалам к месту, где его приводили на Совет, он нашёл только Четвёрку, Балу, который почти ослеп от старости, и тяжёлого хладнокровного Каа, свернувшегося вокруг пустого места Акелы.

-Значит, твой след кончается здесь, Человечек? – сказал Каа, когда Маугли, закрыв лицо руками, уселся. – Выплачь своё горе. Мы с тобой одной крови, ты и я – человек и змея вместе.

-Почему я не умер под Рыжим Псом? – простонал парень. – Моя сила ушла от меня, и это никакой не яд. Днём и ночью я слышу, как двуногий идёт по моему следу. Когда я поворачиваю голову, он как будто в то же мгновение прячется от меня. Я смотрю за деревьями, а его там нет. Я зову, и никто не кричит в ответ; но он как будто слышит и не хочет отвечать. Я лежу, но не отдыхаю. Я совершаю весенний бег, но не успокаиваюсь. От охоты меня тошнит, но я не желаю драться, когда я не на охоте. Я купаюсь, но не охлаждаюсь. У меня внутри Красный Цветок, мои кости стали водой – и – я не знаю, что я знаю.

-Зачем говорить? – медленно сказал Балу, поворачивая голову туда, где лежал Маугли. – Акела у реки сказал, что Маугли должен изгнать Маугли обратно в Человеческую Стаю. Я так сказал. Но кто теперь слушает Балу? Багира – где этой ночью Багира? – он тоже знает. Это Закон.

-Когда мы познакомились в Холодных Логовах, Человечек, я это знал, - сказал Каа, слегка поворачивая свои могучие кольца. – В конце концов Человек идёт к Человеку, хотя джунгли его не изгоняют.

Четвёрка переглянулась и посмотрела на Маугли озадаченно, но послушно.

-Значит, джунгли меня не изгоняют? – произнёс Маугли.

Серый Брат и Тройка яростно зарычали, начав:

-Пока мы живы, никто не посмеет... - Но их перебил Балу.

-Я учил вас Закону. Говорить мне, - сказал он, - и хотя я теперь не вижу скалы перед собой, я вижу далеко.

Лягушонок, иди по собственному следу; поселись с собственной кровью, и стаей, и народом; но когда понадобится нога, или зуб, или глаз, или быстро передать слово ночью, помни, Хозяин Джунглей, что джунгли к твоим услугам.

-Средние Джунгли тоже твои, - сказал Каа. – Я говорю от имени больших народов.

-Ну и ну, братья мои, - плакал Маугли, со всхлипом поднимая руки. – Я не знаю, что я знаю! Я бы не уходил; но меня тянут обе ноги. Как мне уйти от этих ночей?

-Нет, подними голову, Маленький Брат, - повторил Балу. – В этой охоте нет позора. Когда мёд съеден, мы оставляем пустой улей.

-Сбросив шкуру, - сказал Каа, - в неё не влезешь заново. Это Закон.

-Слушай, мой самый любимый из всех, - сказал Балу. – Ни слово, ни воля не станут удерживать тебя. Подними голову! Кто может возражать Хозяину Джунглей? Я видел, как ты играл с белыми камушками тогда, когда был маленьким лягушонком; и Багира, который выкупил тебя ценой только что убитого молодого быка, тоже тебя видел. С того Смотра остались только мы двое; ведь Ракша, твоя мать из логова, мертва вместе с твоим отцом из логова; старая Волчья Стая давно мертва; куда ушёл Шерхан, ты знаешь, а Акела умер среди красных волков, где, если бы не твоя мудрость и сила, умерла бы и вторая Стая Сиони. Не осталось ничего, кроме старых костей. Это уже не Человеческий детёныш просит разрешения уйти из Стаи, а Хозяин Джунглей меняет свой след. Кто станет сомневаться в пути Человека?

-Кроме Багиры и быка, который меня выкупил, - сказал Маугли. - Я бы не...

Его слова резко прервали рык и треск зарослей внизу, и перед ним встал Багира, лёгкий, сильный и ужасный, как всегда.

-Поэтому, - сказал он, вытягивая кровотокающую правую лапу, - я не пришёл. Это была долгая охота, но теперь он лежит мёртвым в кустах - бык, которому шёл второй год - бык, который освобождает тебя, Маленький Брат. Теперь все долги выплачены. В остальном моё слово - слово Балугу. - Он лизнул ступню Маугли. - Помни, Багира любил тебя, - крикнул он и ускорился прочь. У подножья холма он снова крикнул громко и протяжно: - Доброй охоты по новому следу, Хозяин Джунглей! Помни, Багира любил тебя.

-Ты слышал, - сказал Балугу. - Это всё. Теперь иди; но сначала подойди ко мне. О мудрый Лягушонок, подойди ко мне!

-Сбрасывать кожу трудно, - сказал Каа, пока Маугли всё всхлипывал, уткнув голову в бок слепого медведя и обхватив руками его шею, а Балугу неуклюже пытался лизать ему ступни.

-Звёзды светят слабо, - сказал Серый Брат, приюхиваясь к рассветному ветру. - Где нам залечь сегодня? Ведь отныне мы идём по новому следу.

_ = O = _

И это последний из рассказов о Маугли.

Конец